ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 37-й | № 93 (4989) | СУББОТА, 7 АВГУСТА 1965 г. | ЦЕНА 4 коп.

ЗАВТРА — ДЕНЬ СТРОИТЕЛЯ

ТРУД СТРОИТЕЛЯ так же изначален, как труд земледельца. Их трудом начинается все светлое и доброе на земле. Теплый запах только что испеченного хлеба, свет в широких окнах школы, мощный гул турбин гигантской электростанции, стремительный полет космического корабля и, наконец, кров над головой мирно спящего человека — все от труда строителя.

Каждый настоящий человек любит свою профессию и гордится ею. И, может быть, особенно оправдана эта привязанность у строителя. Именно в нашей стране. Нигде и никогда, за исторически краткое полувековое *мгновенье*, не создано столько, не построено, не воздвигнуто, как у нас.

Когда пускали *первую турбину первой* гидростанции на Ангаре, мне посчастливилось быть среди строителей и монтажников, спустившихся глубоко вниз, к самому подножию турбины — в камеру над рабочим ее колесом. Ни один звук не доносился сюда сквозь толщу бетона и тридцатиметровый слой воды. В сосредоточенно тревожном молчании все смотрели на вертикальный, гладко отполированный вал могучей турбины. На нем кто-то из монтажников провел мелом жирную белую черту. Все напряженно ждали, когда же эта черта «вздрогнет», обозначая рождение гидростанции, и каждый слышал стук своего сердца. Наконец мягко вздохнули сервонасосы, открывая доступ воде к лопаткам рабочего колеса. Вертикальная белая черта медленно сместилась, обозначая движение вала, поплыла все быстрее и быстрее и исчезла, растворившись в стремительном вращении... Люди смеялись, кричали, обнимали друг друга. Рядом со мной стоял пожилой человек. Губы его шептали какие-то слова, не слышные в общем гуле. А по обветренной щеке, вздрагивая на щетинках, катились слезы...

С первого до последнего дня проработал на строительстве Иркутской ГЭС Тимофей Федорович Лепендин. Его биография — живая история советского гидростроения. Землекопом пришел на строительство Волховской ГЭС. После рабфака и вуза строил Днепрогэс. После войны восстанавливал его и строил *новые* гидростанции. Таких ветеранов много на каждой стройке. Кадровые строители верны своей профессии. И хотя каждая новая стройка — это необжитое место, неизбежные вначале трудности и бытовые лишения, это зачастую и резкая смена климата, и ломка всего сложившегося уклада жизни, — завершая одну стройку, строитель уже готовится к новой, следующей, готовится ехать в сибирскую тайгу или в пески Туркмении, в тундру Заполярья или в приволжские степи.

И вот тут просто необходимо сказать о том, что к истинной романтике созидания все еще (не у строителей!) примешивается зачастую ложная романтика *любования* трудностями. Да, трудности неизбежно сопутствуют нелегкой профессии строителя. Но следует со всей определенностью сказать, что во многих случаях этих трудностей могло быть значительно меньше. Не перевелись еще, к сожалению, люди, полагающие, что клуб, школа, больница, стадион и даже жилье для рабочих и служащих — дело второстепенное.

И еще хотелось бы повиниться в канун Дня строителя Мы, литераторы, в долгу перед людьми этой светлой профессии. И дело не в том, что мало пишем о них. Напротив, большинство романов и пьес, повестей и поэм на рабочую тему написано о строителях. Беда, на мой взгляд, в другом. Многих из нас охватывает трудно объяснимая робость, когда надо сказать о величии души простого рабочего человека, о его высоких идеалах, воплощаемых в жизнь повседневным кропотливым трудом. И мы успокаиваем себя: не надо высоких слов. Но боязнь высоких слов на деле оборачивается боязнью высокой темы. Это тема уже не праздничного толка, но и в праздник сказать об этом не вредно...

Ф. ТАУРИН

Стройка рождается на голой земле и, как живой организм, непрерывно растет и изменяет свой облик. В этом каждодневно зримом результате своего труда радость и романтика профессии строителя...

Фото Б. ВИЛЕНКИНА

ЛГ интервью

КОГДА РОЖДАЕТСЯ КЛУБ

В Ленинграде основан новый клуб — «Россия». В его организационный комитет вошли видные историки, писатели, искусствоведы, музыканты, ученые, вузовская молодежь.

Наш корреспондент А. Половников встретился с председателем клуба «Россия», директором Русского музея В. ПУШКАРЕВЫМ и попросил его рассказать о задачах и планах нового общественного культурного центра.

— Главную нашу задачу, — сказал В. Пушкарев, — мы видим в объединении в стенах клуба всех ленинградцев, патриотов своего города и родного края, ревнителей его истории и культуры, замечательной русской природы. Нашим кровным делом должны стать изучение и самая широкая пропаганда национального искусства, историко-революционных и культурных традиций и обычаев русского народа. Члены клуба будут активными участниками научных экспедиций по родной земле. Вместе с музейными работниками, филологами, географами, краеведами они станут по крупицам собирать сокровища народного творчества, содействовать охране и восстановлению памятников прошлого, работе местных краеведческих и художественных музеев и выставок. Они примут участие в обсуждении проектов реконструкции и строительства Ленинграда и других городов области. Их помощи ждут многочисленные кружки «Люби и знай свой город», существующие на ряде фабрик и заводов.

В *наших планах — организация* и проведение тематических вечеров, встреч и концертов, посвященных памятным датам истории России, создание библиотеки, выпуск сборников, брошюр, памяток и фильмов, рассказывающих о достопримечательностях Ленинграда, о героях революции и Великой Отечественной войны, о *новых* находках этнографов и краеведов и многое другое.

Всю работу мы намерены проводить в самом тесном содружестве с отделениями вновь организованного Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, с союзами писателей, художников, архитекторов, музыкантов... Должен сказать, что сообщение об основании «России» вызвало у ленинградцев очень большой интерес. Мы ежедневно получаем десятки писем, авторы которых просят принять их в члены клуба, выдвигают свои предложения и рекомендации по развитию его работы. Эти живые отклики очень радуют нас, ибо поддержка общественности — серьезная сила!

ЛЕНИНГРАД. (По телефону)

●

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя ШЛЯХУ С. Г. орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии молдавской советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шляху Самсона Гершевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. МИКОЯН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
5 августа 1965 г.

ХИРОСИМА ВИДНА ОТОВСЮДУ

Расул ГАМЗАТОВ

ХИРОСИМА — это жгучая рана на сердце и совести человечества. Двадцать лет неистово жжет она нас. Много сказано о ней, много написано и немало сложено горьких песен. Хиросима — этим именем поклялись люди.

Дважды я побывал в Хиросиме — столице трагедии нашей планеты. Старик-горец, у которого погиб сын, сказал однажды: «Легко выразить сочувствие чужому горю, но чужое горе не понять тому, кто сам его не испытал».

Хиросима — горе всего человечества, это не далекая чужая беда. Увидев этот город, я позабыл все, что видел. Увидев его, я вспомнил все, что пережил. Словно младшие, которые встают, уступая место, когда входят старики, так и мои прежние чувства боли и сострадания уступили место гнетущему чувству боли и сострадания к трагедии Хиросимы. Чувство это все еще настолько волнует меня, что мне трудно сосредоточиться и передать свою боль поэтическим словом.

И эти строки, которые я пишу сейчас, — всего лишь торопливые наброски в блокнотах тех дней, что я провел в Японии специальным корреспондентом «Литературной газеты». Это всего лишь неотесанные камни невыстроенного дома, камни, которые еще не могут лечь в стену.

Двадцатилетние. 15 января

У японцев много не встречающихся у других народов и стран своих, присущих только им праздников. Один из них — праздник двадцатилетних — я видел в Токио. 15 января тысячи юношей и девушек оделись в национальные костюмы. Оживление, встречи. Радостные, взволнованные лица будто говорили: «Смотрите, нам двадцать лет». Эти лица, эти улыбки смотрели на меня и со страниц японских газет. Но в той же газете я прочитал и такое сообщение:

«В Хиросиме покончила самоубийством двадцатилетняя девушка».

И был мучителен для меня вопрос: почему юная японка в день своего праздника выбрала смерть? Мне ответили, что девушка эта видела не только свои двадцать лет. Из-за их плеч на нее смотрели и двадцать лет страшной трагедии Хиросимы. В день, когда атомной бомбой была убита ее мать, ей не было и полугода. Она осталась жива, но двадцать лет мучилась от лучевой болезни, от мысли о гибели матери. И хрупкая девушка не выдержала.

Так мне рассказал поэт из Хиросимы. И, заметив, какое впечатление произвел его печальный рассказ, он сказал:

— Это не удивительно. Много в нашем городе и в стране людей с такой горестной судьбой. В день *этой неслыханной беды* я был в отъезде. Когда вернулся, то не нашел ни дома своего, ни города. Не нашел ни жены, ни детей, ни родных. Не нашел их ни убитыми, чтобы похоронить, ни ранеными, чтобы прижать их к груди. Так и не пойму, — в пыль ли, в золу ли они превратились. Но и поныне их тени бродят по улицам города. Я думал: «Все кончено. Покончу и я с собой». Но страшное горе подсказало мне стихи. Я пишу их все двадцать лет. Иначе я бы давно покончил с собой. Но нет конца печальной песне о Хиросиме!

Врач из хиросимского госпиталя рассказал мне:

— В тот августовский день, как обычно, мне нужно было ехать на работу в Хиросиму. Я стоял в очереди на остановке автобуса, далеко от города. Но когда я собирался войти, встретил знакомую женщину и уступил ей свое место. Через несколько минут над Хиросимой взметнулось пламя, столбы дыма и пыли. Над городом повис зловещий гриб. Потом пошел голубой дождь, и ничего не было видно...

Ни своей знакомой, которой я уступил место в автобусе, ни коллег я в городе не нашел. Все погибли. Не раз думал я последовать за *ними*, но вокруг меня стонали больные, лечить которых ни я, ни кто другой не были в силах... С мольбой взывала ко всему миру моя родная, моя сожженная Хиросима. И я, один из людей мира, двадцать лет ищу лекарство от боли моего города, но настоящего исцеления еще не нашел. И мне некогда умирать, потому что я должен найти облегчение людям, гаснущим от рака, туберкулеза, распада тканей. Двадцать лет прошло с тех пор, но люди Хиросимы умирают и поныне. А кто остался в живых, того трудно назвать живым. Таких вы можете увидеть в день памяти погибших в Хиросиме...

Я думаю о погибших отцах, о братьях, павших на полях сражений, о тех, кто лежит под каменными плитами кладбища моего аула, моего города. Вспоминаю памятники трагедий Освенцима, Лидице, Орадура. С болью я думаю о тех, кто погиб в Хиросиме от атомного взрыва.

Погибшие всего мира смотрели на меня из темной воды...

Мэр города Хиросимы показал мне бутыль, где хранится пепел погибших, а сегодня день их памяти. В этот день японцы зажигают свечи на надмогильных плитах, вешают бумажные торы. Торы разных цветов — красные, белые, желтые, голубые. Белые торы вешают над свежими могилами. А свежих могил много — от атомного взрыва умирают каждый год. У жителей Хиросимы не хватает *белых тор*, не хватает свеч... От двухсот тысяч людей остался *лишь пепел*. Поэтому большинство людей молится перед общим памятником.

В Хиросиме много буддистов. По их религии зло должно быть позабыто, ему нельзя противиться. И американцы рассчитывали на то, что японцы забудут их страшное злодеяние.

Но и японцы, и народы других стран не забудут Хиросимы!

День памяти погибших в Хиросиме... Для того, чтобы вспомнить что-то, это должно быть забыто. Но этого веками не забудут люди.

Мне рассказали в Японии, что миллионы людей уехали далеко от Хиросимы, чтобы избавиться от страшных воспоминаний. Но Хиросима, где бы люди ни жили, смотрит на мир. Хиросима видна отовсюду.

Я видел в этом городе пианино с обгорелыми клавишами. Хозяин его умер в Хиросиме. На этом пианино никто не играет, но сердце мое *слышит* его музыку. Такой скорбной музыки я никогда не слышал. Пианино рассказывает о любви и ненависти, смерти и жизни, плачет и молит, клянет и клянется.

На одной из площадей Хиросимы, на маленькой возвышенности, стоит колокол мира. Я бил в этот колокол. Его звон до сих пор раздается в моих ушах, и я слышу: «Пусть никогда не повторится Хиросима!».

...Августовской ночью президент Америки вручил своим летчикам три атомные бомбы. Одна бомба испепелила Хиросиму, вторая — Нагасаки, а третью бомбу

(Окончание на 4-й стр.)

ПЛАНЕТА-ЦЕЛИНА

Статистически это выглядит так:

1959 год. 320 студентов-физиков МГУ приехали на целину. Построено 12 жилых домов, 2 птичника...

1961 год. 1 200 студентов Москвы и Ленинграда построили 40 животноводческих ферм, зерносклады, электростанцию, десятки жилых домов...

В прошлом году в 480 хозяйствах целины работало 30 000 студентов из 39 городов страны. Производственная программа отряда в целом составила 56 миллионов 630 тысяч рублей...

Студенты открыли планету. У каждого человека должна быть своя планета. Маленький принц из сказки Антуана де Сент-Экзюпери говорил: «Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету». В этом году их 40 000, и у них одна планета — целина. А привести в порядок ее — это построить 30 000 объектов, выполнив работу на сумму в 70 миллионов рублей...

...В центральном штабе студенческих строительных отрядов телефоны не замолкают ни на секунду. На проводе Минск, Кишинев, Тбилиси, Воронеж...

Заместитель начальника штаба Владимир Элькинд сообщает:

— В этом году целина приняла посланцев 75 городов. Будущие философы, филологи, геофизики, математики, химики, медики — на целине они все строители. А какие строители, судите сами. Линии электропередач, протянутые студентами-энергетиками, составят расстояние от Москвы до Ленинграда. В зерносклады, построенные студенческими отрядами, можно вместить урожай всей Прибалтики. За 2,5 месяца нужно построить десятки животноводческих ферм, сотни жилых домов, зернохранилищ. Минчане начали строительство элеватора в Уральской области. Студенты МИСИ в 1964 году за три с половиной месяца построили пятипролетный стодвенадцатиметровый мост через реку Баксун. Сейчас строится еще один мост — через Ишим...

Вместе с Владимиром Элькиндом связываемся по телефону с Целиноградом. На проводе целинный штаб. В 65 совхозах Целинного края и других областей Казахстана студенты строят жилые дома, производственные помещения, клубы, школы...

Строим мы новую сторону,
Новую сторону света.
Знаете, это здорово —
Строить свою планету!

Да, целина — планета. Эта планета огромна, хотя и не значится ни в одном учебнике астрономии. Но лишь потому, что до нее можно доехать на поезде. Она не *затеряна в глубинах космоса* — она в сердце нашей страны. На этой планете строят новые города. На картах поселков появляются новые улицы с чудесными названиями: Студенческая, Московская, улица МАИ...

Здесь *родилась книга*. В 1965 году она вышла в издательстве «Молодая гвардия». Она так и называется — «Планета Целина». Эта книга о том, как началась целинная стройка, как возникла целая студенческая республика со своим уставом, своими традициями, своими героями. Эту книгу-летопись создали студенты.

...Деятельность отряда основана на требованиях морального кодекса строителя коммунизма, говорится в уставе целинного студенческого строительного отряда. Устав вступает в силу с момента посадки в эшелон. Для тех, кто вернулся с целины, он действует всю жизнь.

В. КУЛИК

над чем работают...

Наш корреспондент Н. Николаева позвонила в Прагу и узнала, над чем работает чешский поэт

Иржи ТАУФЕР

— Сейчас для нашего Клуба поэзии, о котором уже не раз писали в советской прессе, я собираюсь подготовить том «Избранного» Константина Библа.

Это моя вторая работа для клуба — *после «Слова о полну* Маяковском», в которую, кроме стихов, вошли документы, фотографии и пластинка с голосом поэта.

— Книга Библа будет *столь же* богато «оснащена»?

— Да, в книге есть очень интересные документы, рукописи и снимки. Кстати, она выйдет, вероятно, одновременно с советским изданием Библа, подготовленным издательством «Художественная литература»...

За последнее время, — продолжает И. Тауфер, — я перевел книги Расула Рзы, М. Луконина. Полтора года работал над однотомником В. Хлебникова. Теперь снова возвращаюсь к Маяковскому. Продолжаю работу над переводом собрания сочинений поэта в тринадцати томах. В этом году думаю закончить перевод седьмого тома.

К осени собираюсь сдать в издательство большую книгу литературных этюдов, эссе. Среди них — работа о В. Хлебникове, статья о Назыме Хикмете, которого я много в свое время переводил. Один из основных разделов книги — статья о Витезславе Незвале, а также о Бедржихе Вацлаве и других чешских поэтах и прозаиках. Кроме того, в книге будет *немало статей* о советских писателях, в частности, статья о Николае Асееве, книгу которого я перевел в 1962 году.

— Книга эссе будет содержать воспоминания?

— Нет. Это будут размышления о художественной индивидуальности, о характере и своеобразии таланта.

— Свои стихи вы сейчас пишете?

— Да, заканчиваю поэму. Но о стихах я не люблю говорить наперед.

Известный марокканский поэт, прозаик и философ Мохамед-Азиз Лахбаби, стихи которого неоднократно публиковались в советской печати, посетил недавно Советский Союз. Наш корреспондент Н. Федосюк попросила рассказать, над чем работает

Мохамед-Азиз ЛАХБАБИ

— В Марокко сейчас публикуется на арабском языке мой новый роман «Жаждущее поколение», который должен появиться затем на французском и английском языках. Он посвящен молодому поколению Марокко, жаждущему сломить старые порядки, преобразовать марокканское общество. В романе затрагивается проблема освобождения марокканской женщины.

В настоящее время работаю над рядом философских статей. Вместе с группой студентов — ведь я не только писатель, но и декан факультета Рабатского университета — составляю философский словарь на трех языках: арабском, французском и английском. Пишу очерк о западном искусстве и искусстве развивающихся стран. Готовлю к печати сборник стихов на арабском и французском языках. В данном случае я не пользуюсь услугами переводчиков: как стихи, так и прозу я пишу на обоих языках.

ОДНАЖДЫ ко мне со знакомым режиссером приехал молодой парень со смуглым худощавым лицом. Он все время молчал, сидел, скрестив руки, как это делали в старину воспитанники медресе — муллавичи. Когда режиссер стал прощаться, парень нерешительно протянул мне сверток...

— Прочитайте, пожалуйста, когда у вас будет время.

Пятьдесят страниц рукописи я прочитал не отрываясь, потом прочитал еще раз. Я разыскал парня. Мы долго-долго говорили. Это был образованный молодой человек...

После небольшой редактуры рассказ появился в нашем республиканском журнале «Шарк Юлдузи», а затем, в переводе на русский язык, — в «Дружбе народов»...

Радостно, что многие молодые писатели приходят в наши ряды, подобно автору этого рассказа Учкуну Назарову: как в родной дом, где гордятся яркой искрой таланта, большой культурой и начитанностью юного сына.

Невольно вспоминается прошлое.

В литературу 20-х—30-х годов приходили многие, и те из них, для кого литература была действительно призванием, заняли в ней прочное место. Они возвеличили ее славу, освоили новые, не существовавшие ранее у узбеков жанры, обогатили родной язык, сделали благодаря переводам на узбекский язык произведения Пушкина, Толстого, Шекспира, Лопе де Вега народным достоянием. Новая литература, созданная нашими теперь уже аксакалами, стала духовным богатством народов страны.

Однако общий уровень культурного развития многих «пробовавших перо» тогда был еще низок. Из-за незнания русского языка они были лишены возможности изучать русскую и мировую классику. Учиться было трудно, но те, кто учился, кто повышал свою культуру настойчиво, постоянно, стали настоящими писателями.

Я сделал экскурс в историю для того, чтобы отчетливее подчеркнуть мысль о том, как много дается молодежи теперь, какие условия созданы ей, чтобы расти, совершенствоваться, двигать вперед культуру народа.

ОТРАДНО, что наша литературная молодежь чувствует это требование времени, идет в литературу, осознавая ее высокую социально-эстетическую миссию, понимая, что в ее руках идейное оружие, призванное служить возвышенным идеалам.

заметки писателя

ТАЛАНТ — СОБСТВЕННОСТЬ НАРОДА

Абдулла КАХХАР

Лучшие из молодых не требуют для себя скидок, как случалось иногда в прошлом; иные литераторы в молодости требовали скидку на молодость, а в старости — на старость.

Большинство наших молодых уже в первых своих произведениях обнаруживают современный кругозор мысли, отчетливость благородной граждански ответственной позиции, тщательность работы над словом, композицией. А главное, оттачивая свое идейно-художественное мастерство, они глубоко и серьезно проникают в жизнь, стремятся отразить главные заботы времени.

Вот небольшая поэма Эркина Вахидова «Призыв». Лирический герой поэмы — человек, перенесший горести войны и погибший в великой борьбе против фашизма. Голос его сердца — это призывный голос миллионов людей, в котором звучит проклятие войне, это память о тех, кто погиб в справедливых сражениях...

Абдулла Арипов в стихотворении «Робот» страстно разоблачает людей, которые, овладев сложнейшими секретами техники, глухи и немы к человеческим радостям и горестям, не умеют погладить головку ребенка, не могут утешить мать...

Хуснитдин Шарипов в своих стихах возвеличивает и воспевает человека, его ум, вдохновенный труд, его доброту и справедливость; прозаик Ульмас Умарбеков в повести «Моя любимая» горячо ратует за доверие к человеку, за чистоту людских сердец...

И все же, радуясь успехам нашей талантливой молодежи, думаю, что следует повысить требовательность к ней.

Что представляется мне если не тревожным, то настораживающим в творческой эволюции молодых? Хотя я оперирую все время примерами из произведений молодых узбекских писателей, тем не менее, мне кажется, во многом — это общие слабости начинающих литераторов.

Некоторая замедленность творческого роста после первых, несомненных, успехов. Первое дыхание кончилось, второе — еще не пришло. А в промежутке между ними — нетвердый шаг.

Молодой писатель вкладывает в свое первое произведение весь жизненный опыт, выношенный раздумьями об окружающем мире. О книге пишут, автора принимают в Союз писателей.

Бывает, что иной молодой находит, что теперь ему необходимо почаще «показываться» в печати, много сочиняет, под хмельком успеха от первой книги забывает об ответственности. А между тем книга, написанная с целью «показываться», не показывает автора, а хоронит его. Но это к слову, живородящих сочинителей у нас, слава богу, мало. Однако испытание «второй книгой» — серьезно для всех молодых.

Эркин Вахидов и Хуснитдин Шарипов, например, сейчас работают не в полную мощь. А Абдулла Арипов, стихотворение которого я только что высоко оценил, почему-то стал писать приглушенным голосом. Первая повесть Ульмаса Умарбекова прозвучала как вдохновенная песня, идущая из глубины сердца, а вторая, из жизни геологов, о чем автор имеет, видимо, отдаленное представление, написана как-то литературно, будто случайно. Шукур Халмурзаев в первом произведении с теплой улыбкой изобразил интересный кусок жизни, а потом начал «возводить» надуманные ситуации.

Эти недостатки — литературность, манерность, подмена жизненных ситуаций искусственными схемами — особенно заметны в произведениях молодых авторов, работающих в жанре рассказа.

Невольно возникает опасение, как бы бурно растущая молодая поросль не превратилась в рано поблекшие ветви на стволе могучего дерева. Наши критики уже почувствовали эту опасность и забили тревогу. Почувствовали это и ровесники молодых писателей — молодые критики, например, Умарали Норматов и Нарбай Худайберганов. Они так определили основные причины, мешающие неуклонному, ритмичному росту своих коллег, — некоторая их, так сказать, практическая оторванность от бурных событий жизни (теоретически они, конечно, в курсе их). Трудно не согласиться с этими выводами. В самом деле, теоретическая осведомленность — ценное для писателя качество, но в союзе, в тесном родстве с практическим участием в жизни, со знанием повседневной жизни общества, добытым непосредственно тобою лично, твоим разумом и руками. Так растет, мужает писатель-гражданин...

Очень опасно для развития таланта чрезмерное восхваление.

Хорошо, что наша печать, литературная общественность, как правило, это понимают. Но иногда происходят и такие явления: в течение трех месяцев несколько журналов и газет пожелало «доброго пути» молодой поэтессе Айдын Хаджиевой, понравившейся им одним-двумя интересными стихами. От многочисленных «Хвала вам» смущается сама Айдын.

Конечно, тля побеждает только слабое растение. Наши молодые таланты устойчивы против искусов чрезмерного восхваления, но на отдельных из них оно действует, как вино: чем больше, тем сильнее пьянит.

Особенно недопустимо, когда восторги расточаются по поводу средненьких произведений — ладно, мол, автор молодой, у него еще все впереди. В этом случае восторги действуют как пожелание завистливого слепого из известной легенды. Встретил однажды святой в пустыне слепого человека, пожалел его и воскликнул: «Эй, раб божий, выскажи свое пожелание и сбудется оно!». А слепой вместо того, чтобы просить у святого прозрения, сказал: «О, святой, попроси за меня бога — пусть он превратит всех людей на земле в слепых, это облегчит мое страдание!».

В КОНЦЕ своих заметок хочу остановиться на одной, пожалуй, специфической черте...

Очень силен на Востоке обычай — глубокое уважение к старости, к старикам. Завидный, добрый обычай! Но вот один из моих друзей, врач по профессии, очень преданный этому обычаю, однажды пожаловался мне на то, что его дом находится в конце длинного узкого переулка. Каждый день, направляясь на работу, он обязательно оказывался позади какого-нибудь медленно бредущего старца. Приходится шагать, примеряясь к его шагам...

Я думаю, напрасно мой друг жалуется. Беда не в обычае, а в самом враче, который хороший обычай превратил для себя в догму. Отчего бы ему, вежливо поприветствовав старика, не обогнать его?..

Наша литературная молодежь тоже не должна превращать обычай в догму. Уважение — уважением, а соревнование — соревнованием. И здесь мне хочется серьезно упрекнуть своих молодых коллег — узбекских литераторов. Многие молодые писатели, будучи высокообразованными, начитанными, понимая специфику своего ответственного ремесла, почти не участвуют в литературных спорах, в дискуссиях, держат свои мысли при себе и даже тогда, когда участвуют, говорят очень робко, нерешительно, вполголоса, больше смотрят в рот аксакалам (как бы не сочли невежливым, неуважительным!). А нам, аксакалам, очень хочется, очень важно знать, о чем и как вы думаете, чем болеете, чем счастливы, какие у вас трудности, как вы, наше будущее, относитесь к нашим книгам, к нашему общему делу, нашей общей профессии — любимой, единственной! Мы хотим знать вас, наши питомцы, и не только учить, наставлять вас, но и учиться у вас. Так давайте вести наши профессиональные разговоры и творческое соревнование на равных, давайте помогать друг другу, исходя из сознания того, что талант — достояние народа, собственность народа.

ТАШКЕНТ

ПОСРЕДНИКИ ИСКУССТВА

Р. КРЕЧЕТОВА

ЧТО ТАКОЕ КИНОТЕАТР?

У каждого здания — свое амплуа. У кинотеатра оно прозаично: это обыденное амплуа посредника. Какие бы фильмы ни шли на его экране, мы знаем: они создавались не здесь. Таинственный процесс, именуемый творчеством, совершился где-то на «Мосфильме», «Ленфильме», в Свердловске, Тбилиси, Одессе...

И потому, что бы ни увидели мы, — шедевр, о котором будут писать историки, или пустышку, готовую умереть уже в самый день своего рождения, — наши восторги, недоумения, обвинения адресуются не кинотеатру. Он — ни при чем. Он лишь посредник.

ЧЕМ КИНОТЕАТР МОЖЕТ СТАТЬ?

На этот вопрос можно ответить вопросом же: а зачем?

Зачем ему становиться чем-то иным? Какие еще лавры могут увенчать голову его директора, кроме тех, что достаются в повседневной борьбе за выполнение финансового плана?

С точки зрения больших городов (точнее — очень больших), этот вопрос-ответ вполне резонен. В самом деле, зачем мудрить с кинотеатрами? Пусть себе остаются простыми посредниками. Кроме них, есть и драматические театры, и опера. Есть музеи и концертные залы. Дворцы культуры, клубы и парки...

Но представьте себе маленький город. Например, такой, как Мичуринск. Здесь один драматический театр и два кинотеатра (третий — в пригородном районе, совсем небольшой). Нет ни оперы, ни концертных залов. Трудно подыскать помещение, чтобы разместить передвижную выставку.

Но это только одна сторона проблемы. «Нет оперы» — вовсе не значит, что нет любителей музыки. «Нет помещения для выставок» — не значит, что в городе нет знатоков живописи и художников. Здесь пишут и читают стихи, спорят о литературе, изучают искусство...

Когда поезд подходил к Мичуринску, небритая личность из тамбура презрительно скривилась:

— Вот он, Козлов, старый купчишка.

Сразу повеяло далеким прошлым, провинциальной глушью, затхлостью лавок.

Но бывший «старый купчишка Козлов» поразил меня практической неисчерпаемостью своих культурных возможностей.

Эту неисчерпаемость открыл... кинотеатр. Я не могу добавить обычный кинотеатр, потому что «Космос», о котором идет речь, — не обычен. Разумеется, это посредник, если дело касается фильмов. Но посредник, который видит значительно дальше, чем диктует ему амплуа. Да, он предоставляет зрителям крышу над головой, экран, кресла и киноаппаратуру — то, что и должен был предоставить. Да, он стремится выполнить финансовый план. Но уже здесь в отношении к этой святая святых кинопроката проявляется своеобразие «Космоса».

— Мы стремимся выполнять план за счет высокодейных и высокохудожественных фильмов, — убежденно объяснял мне «политику» кинотеатра Иван Иванович Воронцов, председатель общественного совета при «Космосе», совета, силами которого во многом и организуется особый климат этого кинотеатра.

Обычно зрителя оставляют один на один с рекламным щитом. А это коварный советчик: он с пафосом рекламирует и подлинное искусство, и подделку под него. «Космос» пропагандирует хорошие фильмы. О них рассказывают зрителям заранее, объясняют, чем именно они интересны. Реклама? Да. Но идущая рука об руку с воспитанием эстетических вкусов.

Добрые начинания — не редкость. Но нередко им суждена бывает недолгая жизнь. Остывает энтузиазм заводил, иссякает у них настойчивость в борьбе с возникающими трудностями, дает себя знать, наконец, просто нехватка опыта. Но «Космос» родился под счастливой звездой. Его директор Любовь Ивановна Пржигодская, кроме энтузиазма, обладает еще и большим организаторским опытом. Она была комсомольским работником, затем заведующей городским отделом культуры. Отсюда — знание людей, умение с ними работать.

И «Космос» привлекает широтой интересов. Он занимается всем. Он становится лектором, рассказчиком, воспитателем. Судя по обстоятельствам.

— Ребята нас почему-то невзлюбили сначала, — рассказывает Любовь Ивановна. — Трудно передать, что они с нами делали. Перебили все лампочки. Порезали двери. Покупали один билет, и в середине сеанса тот, кто по билету вошел в зал, открывал дверь на улицу: врывалось человек тридцать. Мы обращались в школу, к родителям. Бесполезно. Ребята совсем обозлились. И мы решили — возьмем над ними шефство. А они пусть возьмут над нами.

Так возник при «Космосе» кружок киномехаников, и кинотеатр занялся... педагогикой. Вроде бы вынужденно. Но, возникнув, кружок начал работать всерьез. Ребятам выдали удостоверения. Стали учить. Проверяли дневники. «Враги» стали друзьями.

Любовь Ивановна показывает мне фотографии мальчишек. Какие разные лица — добродушные, дерзкие, скрытные, упрямые, доверчивые... Это растут разные люди.

— Есть особенно трудные. Думаем и их переборoть, — говорит Пржигодская. И «трудные» выжидающе смотрят со своих фотографий...

Каждую пятницу в «Космосе» встреча с искусством. Если у композиторов есть песни, то у художников — картины, у актеров — роли, сыгранные и те, о которых они мечтают; если в городе есть люди, любящие и умеющие рассказать о музыке и литературе, живописи, театре и кино, то почему им, этим людям, не объединить свои усилия в борьбе за культуру города? И вот профессионалы и любители выступают в сине-голубом фойе кинотеатра на «Театральных пятницах».

В фойе перед началом сеанса на «Огоньки» собирается молодежь. Кофе... Концерт самодеятельности. Танцы. Да, да, танцы. Страшное признание, не правда ли? Мы столько времени ругали театры за то, что в них танцуют перед спектаклем. Но молодежь хочет танцевать. А по какой логике перед фильмом или спектаклем можно есть бутерброды, пить пиво, слушать джаз, но нельзя танцевать? И если кто-то придет в кинотеатр ради танцев, а заодно уж посмотрит и фильм, то это, ей-богу, лучше, чем если этот «кто-то» не придет вовсе. Так пусть кинотеатр небольшого города разрешит немного потанцевать под своей крышей. Еще лучше, если он будет учить танцевать, нанося удар пошлости, часто бытующей на танцплощадках.

Есть у «Космоса» свои устные журналы. Я была на одном из них. Он назывался «Подвиг женщины в Отечественной войне». Выступали разведчица, медсестра, вдова героя-артиллериста. Серьезные девушки читали хорошие стихи. Атмосфера была своеобразной и непривычной.

Я брожу по улицам города и как-то иначе смотрю на людей, идущих навстречу, на светящиеся окна домов. Жизнь «бывшего купчишки», такая обыденная и простая на первый взгляд, оказывается богатой и сложной...

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ «НО»...

На той же городской улице — еще один кинотеатр — «Октябрь». От «Космоса» — пять минут ходьбы. Но вместо синевы и голубизны нового «Космоса», вместо его безукоризненно чистого, полного света фойе — серый, выщербленный пол, похожий скорее на пол гаража или склада. Низкие потолки, полумрак и буфет у лестницы с лаконичным объявлением: «Отпуск пива прекращается после 2-го звонка».

Контраст нагляден, он так и просится на газетную полосу. С одной стороны, «Космос», с другой, — «Октябрь». Но как только вы перейдете от констатации фактов к выводам, вам станет ясно, что контраст этот не так-то прост...

Директору кинотеатра «Октябрь» Алексею Федоровичу Чернышову достались в наследство эти выщербленные полы, ряды неудобно расставленных кресел, особый аскетизм зданий 30-х годов. Проблемы хозяйственные вынужденно оттесняют в его деятельности проблемы творческие.

Директор хочет постепенно уйти от старых традиций, хочет работать иначе, более гибко, с фантазией. Но... Чернышев, по существу, предоставлен себе самому. И он ли один?

Сколько сотен директоров в сотнях небольших городов продолжают спокойно смотреть, как крутится-крутится лента во вверенных им зданиях, и — только. Обвинять их в равнодушии и пассивности? Да, многих надо и обвинять. Но прежде всего — им надо помочь, научить.

...На бесчисленных городских улицах притаились молчаливые посредники. Они ждут своего часа. Это резервы, которые пора двинуть в бой.

МИЧУРИНСК

Рождено XX веком

ЧЕЛОВЕК И ГЕНЕТИКА

В. ЭФРОИМСОН,
доктор биологических наук

МЕНЯЕТСЯ мир. Меняется первоочередность проблем науки.

Десятки лет назад инфекционные болезни, голод, авитаминозы губили миллионы людей. Теперь на большой части земли массовые заболевания почти перестали существовать. С исчезновением инфекционных болезней на первое место в статистике заболеваемости стали выходить болезни наследственные. Когда сотни тысяч младенцев слепли от гонорреи, глохли от скарлатины, гибли от поносов, было не до относительно редких форм наследственной слепоты, глухонемоты, наследственных дефектов обмена веществ. Когда человек жил лишь 40—50 лет, мутации отдельных клеток нашего организма, вызывающие рак и наследственные факторы, способствующие развитию гипертонии, атеросклероза, занимали относительно скромное место в ряду других причин смертности... Рубеж пятидесятилетия ныне перешагивают сотни миллионов людей. Рак и атеросклероз стали лидерами среди недугов.

Осмотревшись, наука насчитала у человека более полутора тысяч наследственных болезней разной тяжести и в разной степени наследственно предопределенных. В одних случаях наследуется генетический дефект, который неминуемо проявит себя почти вне зависимости от условий развития. Этот дефект необходимо как-то компенсировать лечением. В других случаях наследуется лишь предрасположение. Оно превращается в болезнь только при наличии некоего, подчас уже строго определенного фактора среды. Действие этого фактора (или ряда факторов) должно быть предотвращено.

Из полутора тысяч генетических заболеваний биохимически изучены уже сотни. Но методы ранней диагностики и лечения разработаны лишь для малой части изученных. Одни методики просты: чтобы выявить среди миллионов новорожденных, что ежемесячно появляются на свет десятки детей, рождающихся с наследственным пороком обмена веществ, именуемым «фенилкетонурия», нужно всего лишь снабдить каждый родильный дом индикаторными карандашами.

Достаточно медицинской сестре всего один раз провести карандашом по пеленке, обмоченной младенцем, чтобы диагноз был поставлен или вероятность заболевания отвергнута навсегда.

Лечить фенилкетонурию много сложнее: в течение первых трех лет жизни ребенок должен выкармливаться — нет, не материнским молоком: оно противопоказано ему категорически — синтетически приготовленной пищей. Для выпуска ее необходимо пусть не очень мощное, но специальное и сложное биохимическое производство. Но, право же, от него зависит судьба нескольких десятков детей из каждого миллиона рождающихся. Если три года их правильно кормить, они вырастут полноценными людьми...

Существует очень суровая область знания: медицинская статистика. Она свидетельствует, что в любой из стран земного шара на свет появляется примерно равное число людей с наследственными дефектами. Проявляются они безусловно в разной степени. Но число их везде одинаково — около двух процентов от общего количества новорожденных. Это значит: перед медиками встает задача подготавливать для десятков миллионов людей способы блокировки наследственных дефектов. Пусть эти дефекты не смертельны и подчас не очень тяжелы, но все же рано или поздно они способны вывести человека из строя или к преклонному возрасту лишить возможности полноценно творить.

Наконец, родители, у которых появился на свет больной первенец, разве они не вправе знать, может или не может проявиться та же болезнь и у второго ребенка?

А генетика уже знает немало. Знает и может помочь. Врач-генетик в состоянии во многих случаях сделать довольно точное предсказание. Он скажет вам, что у человека, больного хореей Гентингтона, заболевает половина детей. А при еще более страшной болезни — амавротической идиотии — и сотнях других болезней вероятность, что заболеет второй ребенок, — 25 процентов. Это высчитывается по законам Менделя.

Иногда подавленные травмой после появления больного ребенка родители воздерживаются от деторождения тогда, когда риск повторения дефекта невелик. Но в ряде случаев диагноз и вероятность болезни можно предсказать заранее. Раннее лечение уже спасает при многих наследственных болезнях.

ИЗМЕНИЛИСЬ не только болезни. Середина XX века предъявляет особые требования к человеку. Каких-нибудь две сотни лет назад науку двигали гении-универсалы, даже 50 лет назад подлинно образованный человек мог понимать все основы естествознания. Вряд ли стоит подробно рассказывать, как обстоит дело теперь. Каждому это известно по собственному опыту.

Таким образом, речь идет не только о наследственных дефектах, но и о человеческих способностях. Можно ли допускать, чтобы подросток, способный, подобно Паскалю, самостоятельно создать целый раздел математики, рассиропливал в школе занятия ею на десять лет и потом всю жизнь занимался не математикой, а чем-то другим?

Нет, нельзя, скажете вы. И тут возникает еще одна грандиозная проблема человечества, за которую в первую очередь ответственны генетика и педагогика.

Как подойти количественно, строго научно к вопросу о том, когда и как определяются наши способности, какова роль наследственности и роль воспитания, насколько слуховая, зрительная, механическая память, комбинаторика и другие способности, если они не очень хороши, доступны развитию? В какой мере нужно, давая знания и осваивая их, опираться на ту способность, которая сильней всего выражена у ребенка?

И, наконец, где провести ту невидимую границу, когда уже можно определить профиль способностей ребенка? Уровень музыкальных способностей можно установить в четырех-пятилетнем возрасте. А у будущих математиков? А у будущих лингвистов? У художников? А разве мы знаем роль наследственности, время определения и время объективного проявления тех способностей, которые необходимы летчику? Например, молниеносная быстрота реакции? И разве эта быстрота реакции не нужна шоферу?

Не следует ли подумать о том, что все мы — разные? Не пора ли призадуматься над нашим незнанием самих себя, попытаться измерить себя в строгих количественных «единицах»?

Впрочем, метод объективного количественного исследования генетики человека известен уже много десятков лет. Это — изучение всех сторон развития близнецов с самого раннего возраста и до старости.

Врачу, педагогу, родителям, молодежи важно знать, что действительно запрограммировано в организме генетически, а что — внешней средой. И в этом плане для нас идеальная модель — близнецы.

Известны два вида близнецов — «однояйцевые» и «двуяйцевые». Однояйцевые происходят от одной оплодотворенной клетки, разделившейся на первой фазе дробления. Двуяйцевые — из двух клеток (это следует из самого названия).

Генетически однояйцевые близнецы — дубликаты друг друга. Подлинные «двойники». И если они воспитываются в разных условиях, мы можем узнать, какие особенности их развития, даже вкусы, склонности и эмоции запрограммированы внутренними, физиологическими, биохимическими факторами, а какие — внешней средой.

Вот маленькая история. Случилась она в Америке. Однояйцевых близнецов разлучили, когда им было около года. Их усыновили разные семьи. 25 лет они прожили в полутора тысячах километров друг от друга и узнали о существовании друг друга позже от посторонних людей. Оба они оказались техниками по ремонту телефонов, хотя, казалось бы, на свете существуют тысячи других профессий. Оба они женились одновременно. У обоих было по одному ребенку, у обоих оказалось по фокстерьеру, которым они оба дали одинаковую кличку: «Трикс».

Конечно, одинаковые собачьи клички — это пикантное, но случайное совпадение, которого могло бы и не быть. Но есть в этом примере и то, что заслуживает внимательного изучения. На одном «таинственном» случае нельзя построить науку. Но сопоставляя сотни, тысячи «близнецовых» историй, можно установить, какие совпадения случайны, а какие имеют под собой реальную генетическую основу.

Способности человека можно более или менее точно определять: объективные критерии для этого давно разработаны. В чем-то результаты будут сходны и в чем-то различны у однояйцевых близнецов, воспитывавшихся вместе и врозь. В чем-то сходны или различны у двуяйцевых...

Недаром в Московском медико-генетическом институте 30 лет назад под руководством профессора С. Левита велись наблюдения сразу над тысячью близнецов. Эти исследования необходимо возобновить. Здесь открывается широкое поле деятельности для совместной работы врачей-психиатров, педагогов и психологов. Нам пора перейти к широкому, трезвому, экспериментальному изучению проблемы.

ЭТИ важные задачи нельзя решать в порядке отдельных наблюдений или на основе общих рассуждений. Необходимо возродить крупный исследовательский центр, способный руководить медико-генетической консультацией, вести учет наследственных болезней в стране, руководить их лечением. Этот центр должен иметь филиалы в крупных городах. Может показаться, что заниматься всем этим слишком рано: мало ли еще забот у медиков и педагогов. Нет, не рано, потому что потребуется несколько лет наблюдений и обобщений, прежде чем начнут поступать хотя бы черновые решения, прежде чем появятся строгие статистические данные.

Только так мы сможем создать предпосылки для большой и крайне необходимой в будущем работы в области медико-генетической практики, для внедрения генетических представлений в педагогику, наконец, в нашу обыденную жизнь, в наше познание собственной личности, для объективной самооценки и выбора тех областей, в которых мы смогли бы давать максимальную отдачу.

фельетон

Александр БОРИН

Сизиф Сизифович

ВТОТ месяц в магазинах города Горького исчезли вдруг лезвия для бритья и стало туго с крышками для домашних консервов. Когда их выбрасывали в продажу, у прилавков выстраивались очереди. Это надоумило С. прислать в редакцию письмо с таким предложением:

«Комфортатор живой очереди».

Я цитирую его письмо строго и непогрешимо, как текст из канонического первоисточника:

«Изобретение относится к области средств комфорта... Пребывание в живой очереди, даже при наличии кресел, сопряжено с рядом физических и психических неприятностей, поскольку требуется периодическое пересаживание с места на место или непрерывное внимание к ходу и порядку соблюдения очереди. Все это мешает заполнить время пребывания в очереди чем-либо более приятным и полезным, например чтением, обдумыванием, беседой с соседями и т. п. Предлагаемое устройство лишит живую очередь этих недостатков. Комфортатор живой очереди представляет собой удобные сиденья, соединенные в бесконечную ленту, автоматически перемещающиеся под действием силы веса сидящих на них людей при убывании живой очереди... Предлагаемые устройства могут быть стационарные и передвижные, комнатные и уличные. Затраты на их создание и эксплуатацию потребуются весьма малые...»

Письмо это можно было бы принять за розыгрыш, но к нему приложены чертежные синьки, тщательно и всерьез выполненные не пожалевшей труда профессиональной рукой: тележка (5) прикреплена к каркасу (10) и задняя сторона сидения (1) снабжена стальной накладкой с рычагом (11)...

Я прочел этот трактат о малой механизации быта, и мне почудилось, что писал его мой давний знакомый.

Тринадцать лет назад я служил юрисконсультом в снабженческой конторе, поставлявшей цементным заводам шаровые мельницы, бульдозеры и цепи Галля. Ежедневно мы наблюдали один и тот же головокружительный марафон: представители заводов, лихие «толкачи», будто соревновались между собой, кто больше выбьет сверхфондового оборудования для родного предприятия. Иные заводские склады и так уже ломились от цепей Галля, но «толкачи» с энтузиазмом продолжали охаживать наших снабженцев, действуя когда нахрапом, когда лестью, когда ужином в «Урале», а то и ответственным звонком на басах из министерства.

Бухгалтер нашей конторы лютой злобой ненавидел и бесцеремонных «толкачей», покушающихся на фондовые строгости, и чересчур податливых снабженцев. И вот — в благих, заметьте, целях — он сочинил сложнейшую систему, призванную навести в деле снабжения цепями Галля самый строгий порядок. Не для искоренения «толкачества», а для... упорядочения его. Я уже не помню подробно всех хитроумных затей и уловок — вводились какие-то бланки, визируемые три раза вместо одного, контрольные талоны с двойной нумерацией, фондовые книги с ежедневной отчетностью и т. п.

Мой приятель, кудрявый снабженец, не выбившийся в эстрадные певцы, но зато быстро сделавший негромкую карьеру в сфере распределения метизов, как-то, добродушно улыбаясь и снисходительно соболезнуя, сказал о нашем бухгалтере:

— Сизиф Сизифович.

И имя это напрочь приклеилось к нашему бухгалтеру.

Сизифа Сизифовича отличала святая убежденность в том, что все вокруг следует рационализировать. Его трудолюбия, педантизма и изворотливости ума хватило бы, наверное, на бухгалтеров всех снабженческих организаций. Мы поражались и, признаться, чуть-чуть даже завидовали той дотошной фантазии, с которой, выступая на совещании, он вдруг начинал импровизировать стратегию очередного мероприятия по неразбазариванию фондов. Это был захватывающий сюжет, неожиданный, как фантастика, и детализированный, как план ночного ограбления банка.

Но однажды кто-то из нас заикнулся, что подобные ухищрения, в сущности, ни к чему, потому что нелепа сама практика, при которой завод, не рискуя обанкротиться, способен скупить чуть не все в стране цепи Галля. Эту практику надо менять, для чего отлично бы и сгодилась недюжинная, но зря нынче растрачиваемая смекалка нашего главного бухгалтера. Сизиф Сизифович мудро усмехнулся и сказал с удивившей всех нас гордостью:

— Менять? Вот сие уж ни от меня, да и ни от вас не зависит.

Тогда я впервые понял, на чем покоятся ярая жажда переустройства и ненасытный радикализм нашего Сизифа Сизифовича. Я почувствовал, какой безмерной гордыней, гордыней человека, возомнившего себя маленьким человеком и осознавшего всю свою великую скромность, обуреваем наш бухгалтер. То не было даже библейским унижением, которое, как известно, паче гордости. Сизиф Сизифович слишком ценил себя и свою миссию в нашем снабсбыте. Он, пожалуй, не променял бы любую громкую славу на собственный ежедневный подвиг неустанной службистской инициативы и кипучего службистского воображения.

Наш парторг, человек, прошедший две войны, строивший Магнитку и Тагил, как-то сказал Сизифу Сизифовичу:

— Приспособленец ты и очковтиратель. Государство ждет от тебя, специалиста, честного мнения и дельных предложений. А ты готов к корове приспособить петушиный хвост.

Сизиф Сизифович скептически усмехнулся и возразил:

— Каждый должен действовать на своем посту.

Тогда наш парторг посоветовал:

— Постарайся поработать на худой конец безынициативно. Ну хотя бы годик-другой. Большую принесешь пользу общему делу.

Но, вероятно, всего опаснее было человеколюбие Сизифа Сизифовича. Из человеколюбия он желал для своих сослуживцев постоянной ясности. Он готов был для них дифференцировать весь мир. Он сочинял на каждый непредвиденный случай особые наряды на отгрузку малой скоростью, счета на иногороднюю оплату, банковские поручения и командировочные отчеты. Он мечтал создать инструкцию, разветвленную на сотни пунктов, подпунктов, литер, параграфов, чтобы всякий житейский вариант был в ней предусмотрен, описан, оценен и либо категорически рекомендован, либо начисто отвергнут. Он грезил о собрании критериев, недвусмысленных и исчерпывающих, как воинские команды. Человечество Сизиф Сизифович чрезвычайно любил, но не слишком ему доверял...

В той же газетной почте мне встретилось еще одно письмо — уже не из Горького, а из Клина. Некто Б., председатель первичной организации общества изобретателей и рационализаторов одного из строительных предприятий, написал в редакцию:

«Мне думается, что было бы очень полезно в системе ВОИР установить знаки различия для руководящего состава. Наиболее простой и эффективный способ различия руководящего состава может быть достигнут путем выпуска членских знаков ВОИР для руководящего состава увеличенного формата. Обычный значок имеет размер 21,5 × 13,5 мм, для руководящего состава следует выпустить значки размером 26 × 18 мм или несколько больше, причем Г-образная окантовка надписи ВОИР должна быть заполнена не черной эмалью, как это делается сейчас, а зеленой, оранжевой и красной. Увеличенные значки с зеленой окантовкой должны носить председатели советов ВОИР первичных организаций, значки с оранжевой окантовкой должны носить председатели и секретари областных, краевых и республиканских советов ВОИР (а также Московского городского совета), значки с красной окантовкой должны носить председатель и секретари ЦС ВОИР... Введение такой формы различия принесет огромную пользу... Возрастет авторитет председателей советов ВОИР... Значки — знаки различия удобны и тем, что позволят определять руководителей различных рангов на съездах, конференциях, сборах, в учреждениях ВОИР и т. д.».

Ну разве не Сизифу Сизифовичу принадлежат эти вдохновенные строки?

Я не стану рисовать страшноватую картину — рядом с активистом общества изобретателей, отмеченным значком высокого ранга, по улицам вышагивает командный состав общества рыболовов-любителей с кокардами 26 × 18, на красной эмали укрупненное изображение щуки или, еще лучше, меч-рыбы. А генералы от общества охотников носят серебряные жетоны с оскаленной мордой вепря или кроткой лисьей ухмылкой...

Да, Сизиф Сизифович из Клина, как, впрочем, и его друзья-единомышленники, полным-полны самых добрых намерений, ведь всего-то они хотят искоренить зло, поднять не всегда еще высокий авторитет председателей общества изобретателей или избавить своих любимых земляков от неудобств живой очереди. Но, как говорится, добрыми намерениями дороги в ад вымощены.

И кипит, неистовствует пустопорожняя инициатива Сизифов Сизифовичей, от которой живому делу один пшик, и ночей не спят они, сердешные, чтобы только побыстрее да позамысловатее дотянуться правой рукой до левого уха...

Сергей БАРУЗДИН

ОКОПЧИК У ОВРАГА

Новая повесть Сергея Баруздина «Речка Воря...», отрывок из которой мы сегодня печатаем, — одна из задуманной автором серии коротких повестей. Главные действующие лица — женщины, время действия — война. Первая повесть — «Ее зовут Елкой» — была опубликована в майских номерах «Огонька»; она возвращала нас к событиям обороны Москвы в трудные осенние дни сорок первого года. В повести «Речка Воря...» рассказывается о событиях начала сорок второго года. Полностью эта повесть будет опубликована в журнале «Нева».

НЕБО не голубое и не серое, чистое и не совсем чистое, а с какой-то грязинкой.

Так иногда бывало в детстве, когда их в школе заставляли рисовать акварельными красками, и лень было сменить лишний раз воду, и кисточка явно мазала — голубого цвета не получалось.

Такое сейчас было небо. И еще с какими-то белесыми разводами и полосами, заметными и еле заметными, каких она сроду не видела в Москве. И вообще она никогда не видела там, у себя дома, такого неба. Она видела его до войны — или совсем ярким, или совсем хмурым — в зимы и дожди или уже потом, когда шла война, охваченным лучами прожекторов, стонущим, дребезжащим, грохочущим или беспокойно спокойным в промежутках между воздушными тревогами. Но как-то всегда случалось, что ей было не до этого неба, и, наверно, она его толком не видела — ни тогда, раньше, до войны, ни потом, в войну.

И вообще, что она видела, что понимала раньше? Ничего. Ей только казалось, что она была взрослая, а на самом деле — разве это так? И раньше она каким-то подспудным чувством понимала, что плохо разбирается в людях. Сегодня ей человек мог показаться хорошим, завтра плохим. Сегодня она кого-то жалела, завтра тот, кого она жалела, ее раздражал. Сейчас она понимала: «Девчонка! Глупая, наивная девчонка! Никогда не была взрослой и умной! И даже не знаю, как это быть такой...»

Теперь она это отлично понимает. Теперь... А что он?

Он спросил:

— Ты чего это туда смотришь — в небо? Налета не будет, не думай!

Она и не думала о налете. Думала совсем о другом. Сейчас о нем подумала.

— Ты сердишься на меня? — спросила она.

— Зачем ты, Варюша? — снисходительно, как ей показалось, произнес он. — И давай не будем больше об этом!.. А Ворю я тебе обязательно покажу. Удивительная речка! Сейчас, правда, зима. А летом! Я до войны на ней бывал, мальчишкой. Даже песню, помню, женщины в деревне пели:

Люди едут к синю морю,
Тратят деньги на билет.
А у нас есть речка Воря,
Лучше речки в мире нет!

Он посмотрел на нее нежно, с доверием, и закурил в рукав шинели.

— Зря ты меня не послушала... Говорил ведь!.. Вот тебе! И попала сразу в заваруху!

Зря или не зря она не согласилась остаться в штабе полка? Кто знает! Сейчас она знает: не зря! Потому, что он напомнил ей об этом, и он — рядом! Значит, не зря!

— Не зря, — сказала она ему. — Я никогда ни о чем не жалею, что сделала...

— А все-таки автомат — вещь! — сказал он через минутку. — Если б ты знала, как в сорок первом было. Винтовочки — дрянь, карабинчики — рухлядь, а это — штука!

Она обрадовалась. Поняла: «Он тоже доволен, что она не осталась в штабе полка. Хотя и корит ее, доволен». От мысли, что он, старший, бережет ее, стало хорошо. Она вспомнила его слова. О сорок первом. Значит, он говорит с ней, как с равной!

Как было в сорок первом, она не знала. Поначалу, двадцать второго июня, как все, растерялась, но потом успокоилась. И только, когда ушел на фронт отец и настала трудная осень, она уже не думала так, как прежде. Знала, что это надолго. Знала, потому что немцы слишком далеко зашли в Россию. Знала, потому что никакого другого исхода войны, кроме победы, не представляла себе. А для победы надо было гнать немцев назад, а на это нужно время.

На улицах Москвы она видела сильных, веселых, хорошо одетых и вооруженных красноармейцев и командиров. Видела танки и пушки на па-

---

БЛАГОДАРНОСТЬ

Со страниц «Литературной газеты» обращаюсь со словами горячей благодарности ко всем, кто поздравил меня с моим 60-летием и с почетной правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Леонид ЛЕНЧ

□

Сердечно благодарю всех читателей и друзей, поздравивших меня с шестидесятилетием и высокой правительственной наградой.

Николай ЧУКОВСКИЙ

поздравляем юбиляров

Л. КОТОМКЕ — 75 лет

Исполнилось семьдесят пять лет Леонтию Котомке (Владимиру Иосифовичу Зеленскому). Секретариат правления и бюро творческого объединения поэзиников московской писательской организации направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Глубокоуважаемый Владимир Иосифович!

В день Вашего замечательного семидесятипятилетия мы шлем Вам, старейшему пролетарскому писателю столицы, известному партийному публицисту, активному участнику революционного движения, свои сердечные поздравления...

Желаем Вам от души крепкого здоровья, бодрости, счастья!»

М. ЛИФШИЦУ — 60 лет

Исполнилось шестьдесят лет критику Михаилу Александровичу Лифшицу. Правление Союза писателей РСФСР направило М. Лифшицу приветственную телеграмму следующего содержания:

«В день Вашего славного юбилея сердечно приветствуем Вас, дорогой Михаил Александрович!

Ваши книги, посвященные важнейшим проблемам искусства и философии, явились ценным вкладом в марксистско-ленинскую эстетику.

Желаем Вам, дорогой друг, крепкого здоровья и неиссякаемой творческой энергии. Ждем Ваших новых книг, исследований, статей».

«Литературная газета» от души поздравляет юбиляров.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

В нашей рубрике «Творческая лаборатория» примут участие не только писатели, но и мастера искусств.

Текущая практика советского театра вновь ставит на обсуждение вопросы, которые, казалось бы, решались уже неоднократно. И которые там не менее волнуют творческих работников. Каковы пути художественного отражения действительности? Какие выразительные средства отвечают современному звучанию произведений драматургии? Каково место условности (в режиссерской трактовке спектакля, в актерском исполнении, в декорациях) в ряду других выразительных средств реалистического искусства?

В ответ на эти вопросы, поставленные редакцией, возникла статья режиссера Г. Товстоногова, которому мы сегодня и предоставляем слово.

Редакция решила продолжить этот разговор и провести ЗАОЧНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ», за которым мастера искусства смогут обменяться мыслями о путях развития искусства социалистического реализма, о новаторских поисках современного театра.

Будем рады, если читатели газеты, профессионально связанные с театром или просто любящие его, поделятся с редакцией своими размышлениями по этому поводу.

ЖИЗНЬ, ПЬЕСА, СПЕКТАКЛЬ

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР

ВО ВСЕМ многообразии проблем советского театра один вопрос продолжает меня волновать особенно, несмотря на кажущуюся его ясность. Это вопрос о подлинности в театре и о содержании понятия «условность» применительно к театральному искусству.

На мой взгляд, нет ничего для современного театра более пагубного, чем канонизация натуралистического способа отражения жизни. «На что нам нужен такой писатель, который тащится с фотографическим аппаратом за нашими буднями...» Это цитата из записных книжек А. Толстого. Еще меньше нам нужен театр, который тащится с фотоаппаратом за буднями.

Как протест против бытового театра возникает так называемый «условный театр». Но театр по своей природе вообще условен. И одна из главных задач современного режиссера — это определение меры и характера условности каждого автора, и больше того — каждой пьесы.

Если условность будит воображение зрителя в нужном для автора направлении, помогая раскрытию замысла постановщика, если условный мир, окружающий героя, отражает реальные закономерности жизни и потому становится в восприятии зрителя миром подлинным, так сказать, безусловным, — это и есть условность реалистического театра, как бы далеко она ни отходила от элементарного жизнеподобия.

Некоторое время как раз жизнеподобие, прямое соответствие того, что на сцене, тому, что в жизни, выдавалось за эталон современного реалистического спектакля. Теперь нередко объявляется современным все, что обнаженно условно. Возникают тяготение к Брехту и вторжение брехтовской условности в наш театр. Но и брехтовский «ход», взятый сам по себе, распространяемый на все случаи жизни, теряет всю свою силу. Да и у самого Брехта такое богатство, что каждая пьеса нуждается в ином ключе. Универсальность *любого приема* не помогает, а ограничивает.

Жизнеподобный фон спектаклей действительно устарел, если он не содержит поэтической задачи, образного значения. Но такой задачи может не быть и в откровенно условном оформлении. Создание поэтической среды, способной разбудить фантазию зрителя и послать ее по верному пути, достигается сопряжением **данной** среды с **данным** произведением. У нас *изгнали из* театра живопись. Но живопись нельзя сводить к писаным декорациям.

Работая над «Тремя сестрами», наш театр хотел уйти от павильона не ради того, чтобы «переиначить» Чехова, «осовременить» его. Нам показалось, что поэтическая среда пьесы может быть раздвинута даже в намеке, что такой способ изобразительного решения, мобилизующий догадку зрителя, соответствует *манере чеховского письма*. И при таком замысле мы пригласили театрального художника, тяготеющего скорее к живописному, а не к конструктивному мышлению. И не ошиблись. С. Юнович, тончайший колорист, создала живописную сферу без живописи.

Выразительные средства спектакля вообще всегда вспомогательны. Они хороши как дополнение к внутреннему миру героев и бесцельны, если теряют зависимость от них. Стоит им превратиться в самоцель, и при всей изобретательности они разрушают авторские намерения. Стоит самой совершенной технике заслонить людей, как она из могучего источника дополнительного воздействия превращается в рекламу новой машинерии.

КОГДА смотришь спектакли, читаешь пьесы, ходишь в кино, невольно обращаешь внимание на две четкие тенденции, казалось бы, противоречивые, но развивающиеся рядом, вместе. И на экране, и на сцене явно усилились тяготение к условным приемам, стремление или вообще избежать натурализма, чрезмерного засилия быта, или «взорвать» бытовую гладкопись.

В театре сегодня среду, окружающую героя, формирует фантазия художника, оперирующего условными деталями, светом, сукнами, пятнами красок, каркасами конструкций, смело обнажающего особую театральную природу этой среды. Старательный бутафор, стремящийся обмануть зрителя всамделишностью предметов, вышел сейчас «из моды».

И в киноискусстве, сама природа которого, казалось бы, толкает к подробнейшему воссозданию правды жизни, используются все шире приемы условные. Современный кинематограф может сместить планы, столкнуть кадры реальности с кадрами фантазий и снов, заставить нас увидеть происходящее не в его объективном течении, а в чьем-нибудь предельно субъективном восприятии. Разве это не своего рода условность?

Однако вместе с растущей условностью воссоздания того, что мы называем средой, окружающей героев, растет и другое — все более доподлинное, «безусловное» изображение самих героев, все более тщательное и глубокое раскрытие их внутреннего мира. Здесь искусство фиксирует малейшие подробности «жизни человеческого духа» — термин К. С. Станиславского, идеально точный по смыслу.

Да и сам условный прием, оказывается, чаще всего направлен именно к достижению этой цели.

ПОЛУЧАЯ готовую пьесу, иной режиссер может счесть себя избавленным от того сложного процесса отбора жизненных фактов, через который прошел драматург. Он может согласиться на роль простого посредника, выговорившего себе право трактовки чужого, уже осуществленного замысла. Этот путь неминуемо ведет к ремесленничеству.

Есть и другие режиссеры (и их немало), которые хотят во что бы то ни стало утвердить рядом с индивидуальностью драматурга свою индивидуальность. Нагромождая прием за приемом, одну «новацию» за другой, подобные режиссеры, по существу, обкрадывают самих себя. Мне-то кажется, что в «самовыявлении», вопреки драматургу, кроется страх перед сложностью выявления себя **в соответствии** с автором. И в подобной слабости я вижу режиссерскую бедность. Истинный дар режиссера не в этом. Режиссерское видение пьесы — это видение жизни, без которого теряет смысл всякое творчество.

Творческая одаренность, неповторимость индивидуальности режиссера (и актера, конечно!), с моей точки зрения, определяется именно его подходом к действительности, его умением самостоятельно, отталкиваясь от пьесы, наблюдать, отбирать, художественно обобщать ее явления. И тогда режиссер, читая пьесу, пройдет не только путь от пьесы к спектаклю, — *он должен будет* пройти более сложным, единственно верным путем: от жизни — к пьесе, а затем уже от пьесы — к спектаклю.

Когда я читаю пьесу, для меня обязательно увидеть ту жизнь, которой она рождена. Увидеть по возможности предельно конкретно ту среду, из которой вышли герои, быт, что их окружает. Работая над Грибоедовым, я должен был мысленно представить старую Москву, дом Фамусова и всю обыденную жизнь этого дома.

Словом, я должен был создать то, что я называю для себя «романом жизни». Тогда только можно идти к спектаклю, можно искать сценический эквивалент пьесы, в котором бы отразилась не только сама жизнь, но и точка зрения на нее драматурга, избранный им жанр, специфика использованных им выразительных средств плюс индивидуальность актеров, играющих этот спектакль.

Но «роман жизни» — это только начало пути. Едва воображение справилось с ним, едва вам удалось расширить пьесу, растворить ее в жизненном материале, как неумолимая последовательность творческого процесса ставит перед вами следующую задачу — задачу сценического воплощения этой пьесы. И вы снова возвращаетесь к ней.

Я вовсе не призываю режиссера к безликости. Я за неожиданность замысла, за яркость сценического эквивалента пьесы. Но эта неожиданность должна приходить не помимо пьесы.

В какую форму облечет свой замысел режиссер, его право решать. Но — и в этом для меня истина! — она всегда должна быть в соответствии с пьесой.

КОНСТАТИРОВАТЬ связь условных приемов и доподлинности чувств героя на сцене легко. А как прийти к ней на практике? Как связать условности сценической среды, которую предлагает актеру режиссер, и живого героя со всей тонкостью и конкретностью его отношений с окружающими, со всей его безусловной человеческой сущностью? Надо ли искать пути превращения актера в послушную куклу, естественно вписывающуюся в условные декорации, выдерживающую любые ракурсы, любой произвол режиссера? Уверен, что нет. Напротив: чем условней среда, в которую попадает на сцене актер, тем достовернее должно быть его бытие. Тогда возникает живая связь, прямая зависимость между условным и безусловным, между достоверной жизнью человеческого духа и условным изображением *того, что его окружает*. В кино режиссура обладает большим количеством возможностей связать условную среду и героя, сама условность там носит иной характер.

А на сцене? Здесь человек постоянно «в кадре». Здесь среда без актера не может быть долгим предметом показа, ибо она не обладает той подвижностью, как среда на экране (хотя и мы можем в этом отношении кое-чего *добиться*).

Связь среды и актера на сцене должна осуществляться постоянно, ежесекундно. И актер должен ощущать данную ему особенностями пьесы и характером режиссерского замысла специфику этой связи.

Далеко не всегда актер подготовлен к этой трудной обязанности. Канонизация натурализма в актерском исполнении сказывается особенно ощутимо.

Меня беспокоит распространение теории отказа от перевоплощения, от характера. Вместо определенного человека в своей индивидуальной и социальной конкретности на сцене порой появляется как бы докладчик от образа. Постоянное повторение себя тоже неплодотворно. Оно «обуживает» личность актера, замыкает ее и постепенно парализует натуру, способную на разностороннее проявление. Отсутствие плоти характера ведет на сцене к абстрактно-декламационному искусству.

Брехтовское отношение к образу играется наиболее убедительно там, где есть одновременно «переселение» в образ. Как у Лебедева или у Юрского в «Карьере Артуро Уи», как у Славиной в «Добром человеке из Сезуана». А там, где нет реального характера, пропадает и острота, потому что она выглядит слишком отвлеченной, безличной.

Мы часто спорим о новых выразительных средствах театра и мало говорим о новых выразительных средствах актера — истинной силы театра. Слишком часто еще режиссер в заботах о том, чтобы его спектакль выглядел «посовременнее», забывает, что архаика спектакля таится в исполнении.

СОВРЕМЕННОЕ исполнение требует точного соответствия живого человека всей среде произведения. И поэтическая среда, и населяющий ее человек не неизменны. Не может быть постоянным и характер сценической условности. Он всегда возникает на реальной почве, на том, что Сент-Экзюпери назвал «землей людей». На сцене обязательно должна быть эта «земля конкретных людей», иначе она, чем бы ее ни заселить, останется пустынной.

Иосиф ГРИШАШВИЛИ

Скончался Иосиф Гришашвили — замечательный советский поэт, народный поэт Грузии, академик, человек большого сердца, неутомимый труженик, до последних дней своей жизни не выпустивший пера из руки. Шестьдесят лет в литературе и каждый день, каждый год отдавал он свое дарование народу.

Иосиф Гришашвили пришел в литературу в период революции 1905 года. *Он поэтически* откликнулся на великие события времени. Его стихи были пронизаны идеей борьбы за освобождение трудящегося класса, ненавистью к реакции, к силам угнетения. В то время он создает замечательные стихотворения «Товарищам», «Песня узника», «Борьба», «Песня ссыльного» и другие, которые быстро завоевывали популярность среди широких масс.

Иосиф Гришашвили — тонкий, глубокий лирик. Его богатая поэтическая палитра вобрала в себя замечательные многообразные традиции грузинской поэзии, в его творчестве своеобразно переплетаются мотивы интимные и общественно-гражданские.

Новое качество обретает поэзия Иосифа Гришашвили после *Великой Октябрьской* социалистической революции, после установления в Грузии Советской власти. Подлинно гражданское мужество, силу несут в себе строки поэта. Иосиф Гришашвили воспевает нового человека, новую действительность, социалистическую Грузию. «Чем Родине сегодня я помог?» — спрашивает поэт и отвечает на этот вопрос всем своим творчеством.

В годы Великой Отечественной войны Иосиф Гришашвили создает много высокопатриотических произведений, среди которых покоряют такие, как «Призыв», «Ленинграду», «Фронтовая сестра», «Баллада о белом платке», и другие.

После войны поэт продолжает активно творить. Он создает стихи, в которых воспевает мощь и красоту мирного строительства.

Значительное место в творчестве Гришашвили занимает тема дружбы народов. Широко известны его стихи и песни «Джамбул», «Пушкин и Илья Чавчавадзе», «В Советской Армении», «Поэтам Азербайджана», «Аветику Исаакяну», «Русскому поэту» и др. Много сил отдает Гришашвили переводам произведений поэтов братских республик — русских, азербайджанских, армянских, осетинских.

Иосиф Гришашвили — видный общественный деятель. Он руководил многими общественными и творческими организациями, был членом республиканского Комитета защиты мира. В 1944 году Иосиф Гришашвили был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1950 году ему присуждается Государственная премия.

...Умер Иосиф Гришашвили, поэт светлого таланта, замечательный мастер слова, один из любимейших лириков грузинского народа.

Память о нем останется в сердце народа, в сердцах его многочисленных читателей.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ПЕСНЕ

Николай ТИХОНОВ

«Я ЗНАЮ: искреннее слово у вас в доверьи», — писал Иосиф Гришашвили в стихотворении, обращенном к молодежи. С юных лет он стремился овладеть тайнами песенного искреннего слова. Первыми учителями его были певцы-сказители, которых он слушал на тесных улицах и площадях старого Тбилиси. Он жадно впитывал песни и сказанья грузинских, армянских, азербайджанских ашугов, стихи грузинских классиков, произведения современных поэтов.

Поэтому, когда он выступил впервые со своими собственными стихами, в них невольно отразился весь живописный, пестрый, сложный быт старого города с его базарами, со старинными цехами, с песней божественной зурны, с пирами ремесленников и купцов, с кулачными и петушиными боями, со старинными мелодиями, с храмовыми праздниками, с караванами верблюдов, мерно шагавшими по майдану и Армянскому базару, с представителями всех народов Кавказа, привносившими в эту суету свои нравы и свои песни.

Молодость поэта прошла в этих торговых и ремесленных кварталах, где в часы отдыха любили песню, музыку, пляску. Его стихи, как он сам позже писал, были произведениями камерной интимно-любовной лирики. Вскоре он стал известен как популярный поэт, воспевающий красоту и любовь, свободу и дружбу. В годы, когда революционная буря пронеслась над Грузией, социальные мотивы получили свое развитие и в стихах Гришашвили.

Когда пришли новые времена и началось великое переустройство жизни, старый Тбилиси не мог оставаться прежним. Он уходил невозвратимо в прошлое. Поэт прощался с ним, говоря:

Тбилиси древний мой. —
сомненьям
Нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим.
Прощай! Будь счастлив!
В добрый час!

Поэтический талант Иосифа Гришашвили вырос в большое литературное явление. Хотя критики и находили, что истоки его лежат в непревзойденной лирике Бесики и в чувственной, пышной песенности Саят-Новы, но он создал свой собственный, неповторимый стиль и прекрасные образцы глубокой поэзии, насыщенной большими, искренними чувствами.

Он не ограничивался только любовной лирикой, в которой он показал высокое мастерство. Он писал патриотические стихи о новом Тбилиси, о преображении родной страны, о выдающихся ее деятелях. В годы Великой Отечественной войны он создал целый ряд стихотворений, в которых прославлял героев обороны Кавказа, Ленинграда, Сталинграда, писал о боевой дружбе народов нашей родины.

Он написал стихи и поэмы для детей, и эти произведения очень любимы маленькими читателями.

Он был блестящим мастером поэтического перевода. Его обширные знания, его неутомимая работа по сбору материалов в области городского поэтического фольклора, его исследования творчества Саят-Новы, Александра Чавчавадзе и другие работы — о связях русских писателей и поэтов с Грузией дают право считать его выдающимся ученым.

Один из старейших поэтов Грузии, он в своей поэтической работе всю жизнь стремился к тому, чтобы стих был выразителен и певуч, богат образами, искренен и мелодичен.

В стихотворении «Ответ молодым» он пишет:

Всмотритесь в небо,
киньте взгляды
Садам плодовым.
Будь шум возделанного сада
Примером слову.

Узы доброй дружбы связывали его со многими советскими поэтами. В далекие годы, когда еще он жил в маленьком домике за церковью, у стен которой был убит Саят-Нова, на Харпухи, всех поражало книжное богатство, скопленное поэтом. Редчайшие книги, журналы, брошюры, рукописи наполняли все пространство. Полвека собирал Гришашвили эту замечательную библиотеку. Главным образом это были книги по кавказоведению. Все сорок тысяч томов, собранных им, он передал в дар Грузинской академии наук.

Гришашвили прожил большую, богатую поэтическую жизнь. Его поэтическое наследие войдет в историю советской поэзии. Он любил всем сердцем песенное слово и имел право сказать в стихах о Родине:

Эти вершины и рощи — наши!
Лучшее, что остается с нами,
Наша отчизна, любовь.
бесстрашье —
Вот чем высокое дышит знамя!

НОВЫЕ СТИХИ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Я работаю над драмой. Туда входят баллады-монологи. Утверждению и становлению лирического героя предшествует период ломки его судьбы, личной неустроенности. К этому периоду относятся публикуемые монологи.

Больная баллада

В море морозном, в море веленом
Можно застынуть в пустынных
салонах.
Что опечалилась, милый
товарищ?
Заболеваешь, заболеваешь?

Глаз твой с подушки тоскует
безмолвно—
больно?

Мы запропали с тобой в теплоход
в самый канун нашей встречи
печальной.
Что, укачало? Но это пройдет.
Все образуется, полегчает.

Ты в эти ночи родила меня,
Женски, как донор, наполнив
собою.
Что с тобой, младшая мама моя,—
Больно?

Милая, плохо? Планета пуста.
Официанты бренчат мелочишкой.
Выйдешь на палубу—пар изо рта,
Не докричишься, не докричишься.

К нам, точно кошка, в каюту
войдет
затосковавшая проводница.
Спросит уютно — чайку,
молодежь,
или чего-нибудь подкрепиться?

Я, проводница, не так, чтобы
пьющ,
но в годовщину подобных кочевий
выпьемте, что ли, за дьявольский
плюс
быть на качелях.

Любит — не любит, за качку
в мороз,
что мы сошлись в этом мире
кержацком,
в наикачаемом из миров
важно прижаться.

Ах, как тошнит от тебя, тишина.
Благожелатели виснут на шею.
Ворот теснит, и удача тошна,
только тошнее

знать, что уже не болеть ничему.
Ни раздражения, ни обиды.
Плакать начать бы, да нет.
не начну.
Видно, душа, как печонка, отбита...

Ну, а пока что — да здравствует
бой,
острые звуки призывного горна.
Боль продолжается. Празднуйте
боль!
Больно!

Неустроенный монолог

Мы — кочевые,
мы — кочевые,
мы, очевидно,
сегодня чудом переночуем,
а там — увидим!

Квартиры наши конспиративны,
как в спиритизме,
чужие стены гудят, как храмы,
чужие драмы,

со стен пожаром холсты и схимники...
а ну пошарим —
что в холодильнике?

не нас заждался на кухне газ,
и к телефонам зовут не нас,

наиродное среди чужого,
а как ожоги
чьи поцелуи горят во тьме,
еще не выветрившиеся вполне?..

Милая, милая, что с тобой?
мы эмигрировали в край чужой,
ну что за город глухой как чушки,
где прячут чувства?

поворно пузо растить чинуше —
но почему же,
когда мы рядом, когда нам здорово—
что тут позорного?
опасно с кафедр нести напраслину,
что ж в нас опасного?

не мы опасны, а вы лабазны,
людье, которым любовь опасна!

Опротивели, конспиративные!..
Поджечь обои?
вспороть картины?
об стену треснуть
сервиз, съезжая?..

«Не трожь тарелку — она чужая».

Баллада — яблоня

Говорила биолог,
молодая и зяблая —
Это летчик Володя
целовал меня в яблонях.
И прервав поцелуй, просветлев из зрачков,
он на яблоню выплеснул
свою чистую кровь!
Яблоня ахнула,
это был первый стон яблони,
по ней пробежала дрожь негодования и восторга,
была пора завязей,
когда чудо зарождения,
высвобождаясь из тычинок, пестиков, ресниц,
разминается в воздухе.
Дальше ничего не помню...
Ах, зачем ты, любимый, меня пожалел?
телу яблоневу от тебя тяжелеть.
Как ревную я к стонущему стволу.
Ночью нож занесу, но бессильно стою —
На меня точно фары из гаража,
мчатся
яблоневые глаза!
Их 19.
Они по три в ряд на стволе,
как ленточные окна,
они раздвигают кожу, как дупла.
Другие восемь узко растут из листьев.
В них ненависть, боль, недоумение —
что? что?
что свершается под корой?
кожу жжет тебе известь? кружит тебя кровь?
дегтем, дегтем тебя мазать бы, а не известью...
Так сидит старшеклассница меж подружек, бледна,
чем полна большеглаво —
не расскажет она.
Похудевшая тайна. Что же произошло?
Пахнут ночи миндально.
Невозможно светло.
Или тигр-людоед так тоскует, багров.
Нас зовет к невозможнейшему любовь!
Так бывает проснешься — в тебе звездопад,
тополиные мысли, и листья шумят.
По генетике у меня четыре было.
Люди — это память наследственности.
В нас, как в муравьи в банке,
напиханно шевелятся тысячелетия.
У меня в пятке щекочет Людовик XIV.
Но это?..
Чтобы память нервов мешалась с хлорофиллами?
Или это биочудо?
Где живут дево-деревья?
Как женщины пахнут яблоком!..
...А 30-го стало ей невмоготу.
Ночью сбросила кожу, открыв наготу,
врыта в почву по пояс,
смертельно орет
и зовет удаляющийся
самолет.

раде седьмого ноября, видела сибирские и уральские полки, шедшие на фронт. Конечно, Москва была в опасности, но это, как ей казалось, — слишком нереальная далекая опасность, ибо странно и глупо себе представить, что немцы могут войти в Москву.

А сейчас он говорит: «винтовочки — дрянь, карабинчики — рухлядь». Может, и так.

— Да, — вроде бы согласилась она.

— Ты пригнись, Варюша, — посоветовал он.

Она послушно пригнулась.

На противоположной стороне оврага все было спокойно. Вроде бы и немцев там не существовало. Клены, ели, дубы, березы упирались в то же самое белесое, с грязинкой небо, и где-то, невидимое, светило уже не совсем зимнее солнце, и чирикали непонятной масти пернатые, и изредка с шумом падал с лап елей и крутых берегов оврага подтаявший снег. Странно, что там — немцы! Немцы...

...Зима стояла суровая, как сама война. Морозы лютовали с памятного для Москвы октября и по эти, уже мартовские дни. Морозы перемежались потеплением и страшными снегопадами. В Москве все лежало в глубоком снегу, но, пожалуй, только здесь она поняла по-настоящему, сколько снега высыпало за эту зиму. Они ехали из Москвы на полуторке, и всюду был снег, снег, снег. Такой, что и не ступишь с шоссейки — провалишься. Такой, что и *на дорогах*, где шли и шли подряд машины, танки, телеги, артиллерия, войска, — в ту и другую сторону шли — он не утрамбовывался, а, рыхлый, раздробленный шинами, гусеницами, валенками и сапогами, тормозил движение. Все разбитое, брошенное и убитое в памятные дни нашего декабрьского наступления под Москвой было запорошено снегом. Казалось, что снег нарочно прикрыл следы всего, что было здесь: и трупы наших погибших солдат, и немецкую технику, бившую по Москве. Сожженные немцами деревни лежали в снегу. Стояли в них запорошенные снегом обгорелые трубы и рядом обгорелые наши «тридцатьчетверки». Во многих из них так и остались тела мертвых танкистов: вокруг все выжжено, вымороженно и вымертвлено, а войска ушли вперед, далеко вперед, и некому пройтись по этим местам, выполнить последний обряд для этих людей, которые сделали все, что могли, и которым в общем-то уже ничего не нужно.

Таким увидела она и поселок — то ли при каком-то лесопильном заводе, то ли при кирпичном, много таких рабочих поселков у нас в Подмосковье,—где находился штаб полка, куда их направили. Поселок был разбит, и все завалено снегом. Здесь шли, видимо, тяжелые бои. Здесь лютовали враги, но даже сломанная кем-то из наших виселица запорошена снегом. И таблички на трупах повешенных: «Они стреляли по немецким войскам», «Это партизаны», «Так будет с каждым, кто не приветствует новый порядок!» — вместе с трупами — все в снегу. Осталось несколько целых изб, но и они под снегом, будто погребенные. Снег, снег, снег! Сколько может быть снега?

Вспомнив о поселке, она с опозданием подумала о нем, своем соседе:

— Слава, а нога не болит?

Как же она забыла? Как могла забыть? Ведь еще позавчера он признался ей, что был ранен в ногу во время боев за этот поселок, но так и не пошел в госпиталь, отделался перевязкой в санбате.

— Что ты, Варюша! Какая там нога.

Ей хотелось сейчас не вперед смотреть, а в небо. Очень здорово, когда смотришь с земли в это белесое небо. Ели, и сосны, и березы, и даже кустарники кажутся огромными под этим небом. И маячат на его фоне темно-темно, черно-черно. Не отличишь, где белая береза, где зеленая ель. Не отличишь, где сами березы, а где снег. Слепит глаза солнце, невидимое сейчас. Слепит глаза рыхлеющий снег. Вот ворона с карканьем перелетела с дерева на дерево. Толстобрюхий снегирь еле-еле поднялся на ветку вербы. Синицы, сразу три, взмахнули зеленовато-желтыми крылышками и умчались в сторону. Смотреть бы сейчас и смотреть! И почему это до войны все так не виделось?

— Умоляю, побереги себя, — сказал Слава. — Кажется, фрицы зашевелились...

С ней никогда, кажется, никто не был таким внимательным. Из старших, конечно. И никто ее не любил или, вернее, не влюблялся в нее из старших. Неужели его внимательность — это и есть любовь? Страшно подумать об этом! Страшно, чтобы не обмануться...

А ей хотелось бы этого. Сейчас очень хотелось бы!

— Тебе говорят, фрицы! — зло пробасил Слава.

Варя невольно вздрогнула:

— Сейчас...

Она не обиделась на его резкость.

Поправила шапку-ушанку и положила на бруствер окопа автомат:

— Я вижу...

Минут двадцать шла перестрелка. Слава стрелял деловито, спокойно, будто занимался мирным важным делом. И она стреляла. И ей было приятно видеть его таким: умным, сосредоточенным, старшим. Ей всегда казалось, что мужчины умней и серьезнее женщин, что они никогда не способны на такие глупые разговоры, которых она наслушалась и до войны, и в войну, пока работала с девочками в райисполкоме. Ну чего они только не говорили, чего не придумывали, чего не обсуждали, хотя многие были старше ее, и значительно старше — на три, четыре, а то и на шесть лет, как Фаня Залманова, например. Себя она никогда не считала умной, скорей — наоборот, и страдала от этого, не всегда, правда, а моментами, но на такие дурацкие разговоры она никогда бы не пошла...

Пока она стреляла, она могла думать, но вот немцы приутихли, и мысли все улетучились. Слава поправил шапку, улыбнулся ей и опять закурил:

— Ну как?

— Хорошо, — почему-то ответила она.

— Слушай, а какое сегодня число? — вдруг спросил он. — Темнеет уже...

— Третье марта сорок второго года, а что? — обрадовалась она. «Значит, не сердится, — подумала, — молодец!»

— Сорок второго! Ясно, не сорок первого! — сказал он. — Забавно! Третье марта, а у меня, Варюша, день рождения...

Она не знала, что делать. В окоп свесилась ветка сосенки, совсем молодой, чахлой.

Она отломила ее:

— На, тебе!

— Умница ты, спасибо! — сказал он. — Я вот ее...

И он положил ветку на край окопа под ствол автомата.

Потом стреляли по немцам и слева, и справа от них. Стреляли и они. Варе казалось, что стреляли наугад, хотя сама она целилась, очень старательно целилась, как на курсах Осоавиахима. Там она даже считалась отличным стрелком, во всяком случае, лучшим, чем некоторые значкисты ГТО первой ступени, у нее-то ведь значок второй ступени.

И все же ей было чуть боязно. Наших в этом окопе было совсем немного. Так уж случилось, что они оказались здесь в меньшинстве, а сколько было нежданно-негаданно оказавшихся рядом врагов — неизвестно. Ведь никакой передовой здесь и не предполагалось, она должна была быть по крайней мере в пяти-семи километрах отсюда, а потому и частей наших здесь не было.

Но думать — думать это никогда не было в ее характере. И раньше жила как-то так, и потом...

Надо просто вести себя, как Слава. Есть окопчик, довольно примитивный окопчик у края оврага, и их девять. А на том краю страшно заметные на снегу немцы. Слава знает, что делать. И она должна знать. И она будет так же вести себя, как он. Во всем. И сейчас особенно.

Вспомнился отец, которого она не видела мертвым, а лишь знала, что его убили. Вспомнилась Москва. Москва осени сорок первого. Все вспомнилось, и все забылось, ибо немцы впереди стреляли.

И она тоже стреляла в них, теперь, кажется, более точно, чем несколько минут назад.

А небо над ними было прежним — не голубым и не серым, чистым и не совсем чистым, а с какой-то грязинкой. Как на далеких школьных акварельных рисунках. И небо было так же далеко, как это далекое детство. А враги были близко: двести, а может, и сто пятьдесят метров от их окопа, от Славы, от нее...

ДЕТЯМ — ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ

С августа 1965 года по октябрь 1966 года в Белоруссии по постановлению Совета Министров республики проводится конкурс на лучшее художественное произведение для детей. Конкурс посвящается 50-летию Советского государства, столетию со дня рождения В. И. Ленина и 50-летию Белорусской ССР.

Подвиг в крепости Пенише

Н. МАР

Товарищ Антонио Диас Лоуренсо

6 ИЮЛЯ агенты тайной политической полиции (ПИДЕ), по указке португальского диктатора Салазара, увезли в неизвестном направлении одного из видных руководителей Португальской коммунистической партии, члена ее Центрального комитета товарища Антонио Диас Лоуренсо.

ЛИССАБОНСКОМУ рабочему Антонио Диас Лоуренсо еще нет 50 лет. В юные годы он связал свою судьбу с португальским рабочим движением, вступив в ряды Португальской коммунистической партии. В 1943 году Лоуренсо ушел в антифашистское подполье, в 1947 — руководил крупными забастовками на верфях в Лиссабоне, в 1949 — был впервые арестован и приговорен к 6 годам строгого тюремного заключения.

Шесть страшных лет, адские пытки не сломили его духа. Антонио Диас Лоуренсо бежал. Как это было?..

Закованные в цемент и сталь башни крепости Пенише висят над океанской пучиной. Здесь все строго рассчитано: либо медленная смерть в лишенных света и воздуха карцерах, либо узник, рискнувший броситься в океан, попадет к акулам.

Лоуренсо поначалу держали в общей камере, затем после пыток бросили в карцер. Прошло несколько дней; часовой приносил чашку с баландой, и заключенный в темноте ел... Затем глаза понемногу привыкли к темноте. Ощупывая руками стены, он надеялся найти спасительную щель... Ее не оказалось, лишь какой-то тяжелый, окованный металлом выступ был найден в стене, обращенной к океану.

Тянулись дни, недели, месяцы... Узник изучил рисунок выступа, прочность омертвевшего камня. Чем же все-таки одолеть их? Иметь бы на худой конец нож или даже ложку... Вскоре в руках Лоуренсо (спасибо партии, товарищам!) появились, наконец, металлическая ложка и маленький складной нож. Этого оказалось достаточным, и спустя несколько месяцев, неистово работая ночами, Антонио, наконец, прорезал в стене отверстие. Выглянул и, не веря глазам, увидел густое декабрьское небо в ярких звездах, услышал, как ревет внизу штормующий океан.

ДАВНО выношенный и тщательно разработанный план побега получил одобрение партии. Все было готово: одеяло разорвано на полосы, из них была связана веревка.

Пришла пора померяться со смертью в открытом бою. Ухватившись за самодельную веревку, Лоуренсо тихонько выполз в пролом, начал спускаться к океану. Метр, другой, третий. Еще ниже, еще... Храбрец повис над водой, решая, как поступить дальше: прыгать? Опасно: высоко... Коротковатой оказалась веревка. Значит, надо ее удлинить... И Антонио начал подтягиваться наверх. Трудно было адски: онемели плечи, омертвели пальцы, сбилось дыхание, и все же он добрался до пролома и ввалился в знакомый карцер. Здесь оставались еще какие-то тряпки, — скорее рвать их, удлинять веревку... Теперь можно снова спускаться до самой воды...

Но и этой, удлиненной веревки, увы, не хватило. Пришлось прыгать! Бросок, всплеск волны, и... острая боль в правой ноге... Но Антонио поплыл. Наконец огромная волна выбросила его на влажную береговую гальку.

Этот побег товарищ Алваро Кунья́л, генеральный секретарь ЦК Португальской коммунистической партии, несколько лет назад тоже бежавший вместе с группой товарищей из этой же крепости Пенише, назвал выдающимся подвигом.

После побега Антонио Диас Лоуренсо возглавлял в подполье крупные областные организации партии, затем работал в Центральном комитете... В августе 1962 года его снова выследили салазаровские ищейки, вторично арестовали и опять пытали. Шесть месяцев истязаний! Но и в этот раз не сломили железную волю коммуниста: Антонио молчал.

Последние месяцы палачи держали товарища Лоуренсо в одном из каменных мешков крепости Пенише, где сейчас томятся сотни политзаключенных. Судьба Лоуренсо взволновала весь мир. Во многих странах поднялась кампания протеста... Сообщают, что недавно его снова заключили за решетку.

Крепость Пенише, в которой томятся сотни португальских патриотов.

ТАКОВА история подвига героя португальского народа Антонио Диас Лоуренсо. Народ Португалии, все прогрессивное человечество — в тревоге: какова судьба товарища Лоуренсо?

ОТКРЫВАЕТСЯ НОВАЯ СТРАНИЦА

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент АПН

...Я ЖИВУ в отеле «Барикан», в центре Анкары, в нескольких минутах ходьбы от бульвара Кемаля Ататюрка. В рекламном проспекте объявлено, что это самый популярный и удобный отель Турции. И хотя, как я потом узнал, здесь есть отели и более удобные, и более популярные, я не жалел, что остановился в «Барикане», — люди тут гостеприимны и делаются особенно приветливыми, когда узнают, что ты из Советского Союза.

Окна моей комнаты выходят на улицу, вернее, даже на две улицы сразу, две неширокие и кривые торговые улицы, изобилующие кафе и маленькими магазинами, где продается все, что угодно. По утрам меня будят крики уличных продавцов. Раньше других появляется старьевщик. Потом проходит продавец бубликов, а за ним — разносчик кислого молока: оно свежее холодное и хорошо утоляет жажду.

В Анкаре жарко. Термометр показывает по утрам 25—30 градусов в тени. В августе температура бывает часто и выше. Но жара переносится сравнительно легко — город расположен в горах, на высоте около тысячи метров над уровнем моря.

Улицы турецкой столицы шумны, сверкают рекламными огнями, полны машин всех марок — особенно много американских и западногерманских автомобилей. Изредка промелькнет и наш «Москвич» или «Волга».

Особенно оживлен бульвар Кемаля Ататюрка с памятником этому любимому вождю Турции: у его подножия — всегда цветы. Когда Кемаль Ататюрк перенес столицу в Анкару, здесь насчитывалось 20—30 тысяч жителей. Сейчас их около 900 тысяч. Турки гордятся тем, как быстро растет город, в котором появилось много современных зданий и который по-своему красив, хотя зелени в нем немного.

В театрах Анкары наряду с чисто развлекательными спектаклями все чаще появляются драмы на социальные темы, а в последнее время — острая политическая сатира. Такие же процессы происходят в кино. Много говорят о талантливом фильме «Засушливое лето», отличающемся острым сюжетом и показывающем не только полную драматизма борьбу за воду, но и борьбу народа за лучшую жизнь.

ХОТЯ в Турции далеко не все грамотны, в республике существует около полутора тысяч газет и журналов. Сейчас они включились в избирательную кампанию — выборы в меджлис состоятся в октябре.

Наиболее крупные газеты, такие, как «Хюрриет», «Миллиет», «Джумхуриет», выходят в Стамбуле. Газеты «Улус» и «Зафер» издаются в Анкаре, и мы воспользовались любезным приглашением главных редакторов и побывали в редакциях.

Газеты эти принадлежат разным партиям. «Улус» — орган народно-республиканской партии, лидером которой является Исмет Иненю, соратник Ататюрка, один из крупнейших политических деятелей современной Турции. Газета «Зафер» — орган «партии справедливости», ее лидер — нынешний заместитель премьер-министра Сулейман Демирель.

Главный редактор газеты «Улус» Нихат Субаши — многоопытный старый журналист. Главный редактор газеты «Зафер» Иззет Айгюн — молодой журналист. Они — разные люди, находятся на разных позициях, отражают точки зрения своих партий. Но когда речь заходит о советско-турецких отношениях, оба они выражают мысли и чувства, которые сегодня характерны для большинства турок. Они говорят о том, что необходимость рассеять атмосферу недоверия и возродить атмосферу дружбы между СССР и Турцией, которая была создана во времена Ленина и Ататюрка, стала властным требованием сегодняшнего дня.

— Наше самое искреннее, самое большое желание, — сказал г-н Нихат Субаши, — наладить дружеские отношения с великим северным соседом. Каждый шаг в этом направлении полезен и будет приветствоваться. Визит премьер-министра Турции в Москву, по моему мнению, поможет этому хорошему делу.

С КЕМ бы вы ни беседовали в эти дни в Анкаре, разговор неизменно заходит о развитии советско-турецких отношений и тех надеждах, которые вызывает предстоящий визит премьера Турции г-на Сната Ургюплю в Советский Союз. Есть здесь, правда, и противники улучшения советско-турецких отношений. Но простые люди считают, что наши народы должны знать лучше друг друга, что пришла пора восстановить традиции дружбы, дорогие обеим странам. При этом вспоминают то доброе, что было рождено во времена Ленина и Ататюрка. Вспоминают о визите Михаила Васильевича Фрунзе в Турцию в 1921 году, когда Советская страна, испытывавшая неимоверные лишения, делала все возможное, чтобы поддержать турецкий народ в его борьбе за независимость.

Газета «Миллиет» сделала прекрасное дело: не так давно она опубликовала полный текст речи Кемаля Ататюрка, посвященной визиту М. В. Фрунзе в Турцию. В этой речи Ататюрк призывал всячески укреплять советско-турецкую дружбу.

В научных кругах вызвало большой интерес сообщение об опубликовании в Москве в десятом томе «Документов внешней политики СССР» некоторых материалов из истории советско-турецких отношений. В частности, турецкие историки обращают внимание на сообщение Полномочного представителя СССР в Турции от 8 ноября 1927 года, в котором рассказывается о беседе Кемаля Ататюрка с советскими дипломатами:

«Кемаль приехал больной, доктора ему запретили выезжать, но он во что бы то ни стало хотел отметить десятилетие Октябрьской революции... Он просил передать вам, что, пока он жив, пока он возглавляет государство, во главе угла турецкой внешней политики будет союз с Советскими республиками... Его мечта — все дальнейшее и дальнейшее расширение этой дружбы».

Известный турецкий ученый-экономист, ректор Средне-восточного университета в Анкаре Кемаль Курдаш говорит, что преподаватели и студенты этого высшего учебного заведения хотели бы лучше знать достижения советской науки, особенно в освоении космоса, что и он, и все его коллеги надеются, что придет день, когда советские профессора появятся в аудиториях возглавляемого им университета.

— Я предполагал, — продолжает Кемаль Курдаш, — что наш разговор коснется советско-турецких отношений. Я с удовлетворением узнал о предстоящем визите нашего премьер-министра в СССР. Я вспоминаю те времена, когда наши страны хорошо понимали друг друга. И вот вам мнение рядового турка: если визит будет успешным, как мы надеемся, — у нас будут рады этому.

В ПОЕЗДЕ Анкара — Стамбул моим соседом оказался ученый, педагог, автор учебников по математике Мехмет Бертан. Ему около сорока лет, у него двое детей. Он хорошо говорит по-английски и нашел прекрасные слова, чтобы выразить свою радость по поводу того, что мы оказались соседями.

— Поймите, — объясняет он, — это для меня первая встреча с человеком из Страны Советов.

И после паузы:

— Мы сейчас находимся на верном пути. Был период отчуждения, этот период уходит в прошлое, и чем скорее он уйдет, тем лучше. Открывается новая страница в советско-турецких отношениях. Я бываю в школах и институтах и знаю, что люди моей страны хотят, чтобы завещание Ататюрка о дружбе с Советским Союзом стало реальностью и для нашего поколения.

...Поезд шел вдоль берега Мраморного моря, и я думал о гордом и приветливом народе, который хочет видеть свою страну процветающей, верит, что улучшение советско-турецких отношений служит этому делу, служит миру, что оно диктуется прежде всего национальными интересами Турции.

АНКАРА — СТАМБУЛ.
6 августа. (По телефону)

КТО ЕСТЬ КТО?

ЗАГАДКА АРТУРА ГОЛЬДБЕРГА

ЧЕРЕЗ шесть дней после внезапной смерти Эдлая Стивенсона на одной из лондонских улиц президент Джонсон назначил постоянным представителем США в ООН Артура Гольдберга.

Корреспондент парижской «Фигаро» в Нью-Йорке Лео Соваж писал в связи с этим, что «большинство делегатов в ООН едва знало имя Артура Гольдберга» и думало, что наследником Стивенсона «будет дипломатический деятель первого плана». Свое сообщение Соваж озаглавил: «Удивление и разочарование в ООН».

Удивляться в общем-то есть чему. Ведь Артур Гольдберг в последнее время занимал пост одного из девяти членов Верховного

Артур ГОЛЬДБЕРГ
— *Удивление в ООН...*

суда США, которые, как известно, назначаются пожизненно. Все обозреватели считают необычным, что человек, осуществлявший довольно независимые функции, перешел вдруг на правительственную службу.

Впрочем, решение президента Джонсона станет более понятным, если познакомиться, хотя бы коротко, с политической карьерой Артура Гольдберга.

Родился он в Чикаго в 1908 году. Окончив университет, Артур Гольдберг занимался адвокатской практикой. Во время второй мировой войны Гольдберг работал в «Бюро стратегической службы» (служба шпионажа). В 1948 году стал юрисконсультом «Конгресса промышленных организаций», а затем — компании «Юнайтед стил уоркер». Именно в этот период Гольдберг установил тесные связи с лидерами американских профсоюзов. В январе 1961 года президент Кеннеди назначил его министром труда, а в августе следующего года — членом Верховного суда.

Обозреватели отмечают сейчас, что за последние десятилетия был лишь один случай перехода члена Верховного суда на другой пост: речь идет о назначении президентом Трумэном бывшего верховного судьи Джеймса Бирнса (после его работы в администрации Ф. Рузвельта) на пост государственного секретаря. Некоторые наблюдатели считают в связи с этим, что решение Джонсона — лишь временная мера, предпринятая для того, чтобы впоследствии заменить Дина Раска на посту государственного секретаря.

Но это уже из области гаданий. Если же говорить о конкретных фактах, то Артур Гольдберг достаточно показательно выступил на днях на своей первой пресс-конференции в ООН. На вопрос одного из корреспондентов, готовы ли США прекратить огонь во Вьетнаме, он раздраженно бросил в ответ, что прекращение огня является «академическим вопросом»; другими словами, США сначала должны добиться «военных побед», а затем под видом переговоров предложить условия капитуляции...

Так что, если неожиданное решение президента Джонсона пока по-прежнему остается загадкой, то позиция Гольдберга в острейшем вопросе внешней политики США — вопросе о войне во Вьетнаме — не представляет уже никакой тайны.

А. ГРОМОВ

ТРЕВОЖНЫЕ ВОПРОСЫ МАКСА ФРИША

Н. ПАВЛОВА

НА ПЕРВОЙ же странице пьесы швейцарского писателя Макса Фриша «Бидерман и поджигатели» читателя ждут неожиданности. Выступает хор на манер античного, но... одетый в каски пожарников. Порой, набивая трубки со скуки, однако всегда сохраняя подобающую степенность и бдительность, хор предостерегает против опасности пожара. С самого начала приходится принять условие: городу грозят поджоги. Огонь вспыхивает то тут, то там. Бродят невидимые поджигатели. «Даже сигару нынче закурить нельзя, не подумав о пожаре», — раздраженно произносит Бидерман, когда поднимается занавес. Он озирается: вокруг стоят пожарные. Бидерман прячет сигару.

Неожиданности продолжаются и дальше. Ведь как иначе назвать то, что Бидерман, который панически боится огня и дрожит за свою собственность (он — владелец фирмы, производящей средство от выпадения волос), пускает в свой дом поджигателей, униженно обхаживает их, стараясь не замечать баков с бензином на чердаке, и, наконец, предлагает пришельцам спички? С ненавистью, такой же личной и точной, как к слишком хорошо знакомому соседу, Фриш пишет в своей пьесе о психологии человека, который мечтает об одном: лишь бы несчастье обошло меня! «Ведь если именно я встречу поджигателей, как своих лучших друзей...» — прикидывает Бидерман...

Трус — он слепее слепца
С трепетом робкой надежды
Зло за добро принимая,
Зло он встречает радушно,
Страхом измучен, отпора
Злу не дает он, покамест
Поздно не станет...

— произносит свои обличения хор.

Эту пьесу Фриша по праву можно считать антифашистской. Твердой рукой, нигде не отступая от исторической истины, драматург намечает ряд прозрачных, остроумных и горько-поучительных аналогий к недавней действительности. Чего стоит хотя бы эпилог пьесы. Город сгорел дотла. Бидерман и его жена ждут небесного суда в преддверьях ада. Но ничего страшного не происходит; над забастовал: сатане не удалось заполучить из рая ни одного крупного преступника, да и происшествие оказалось не таким уж трагическим — на пепелище вновь вырос самодовольный город из стекла и бетона.

Толкование и без того ясных намеков может создать ложное представление о сатире Фриша. Да и антифашистский смысл пьесы не сводится к напоминанию о недавнем прошлом немцев, поджоге рейхстага и зареве войны над миром. Опасность фашизации Фриш связывает со способностью обывателей без возражений усваивать навязываемую им идеологию насилия. Страх заставляет Бидермана немедленно согласиться, что белое — это черное, а черное — это белое, что воротилы, бессовестно хозяйничающие в его респектабельном доме, — милые и вполне невинные парни.

Проблема, волнующая Фриша, задевает не только мещанина. Как многие реалисты современного Запада, писатель постоянно возвращается к одной, главной для него, теме, по-разному решая ее в своих произведениях.

Четыре года назад Фриш написал пьесу «Андорра», непохожую и в то же время глубоко связанную с «Бидерманом». Пьеса имела широкий общественный резонанс. Действие происходит в условной стране Андорра (которую автор просит не путать с одноименной европейской республикой). Речь идет об оккупации страны войсками Черных, создавших диктаторский режим в своем государстве. Но задолго до капитуляции военной в Андорре произошла капитуляция иного — морального толка. Посреди городской площади в землю врывают столб. — Для чего он? — тревожно спрашивает один из главных персонажей пьесы. — Может быть, тянут телефон, — равнодушно отвечают ему. И хотя в пьесе пока не происходит ничего страшного, зритель уже не может успокоиться: он догадывается, что в стране строят виселицу. Как и в известной советскому читателю комедии «Визит старой дамы» соотечественника Фриша, Фридриха Дюрренматта, обыватели в пьесе Фриша под легким нажимом обстоятельств обнаруживают опасную способность принимать противоестественное за естественное, преступное — за обыденность. Особенно безболезненно эта метаморфоза происходит тогда, когда можно найти козла отпущения. Перед началом каждой сцены в пьесе Фриша кто-нибудь каждый раз произносит маленькую речь себе в оправдание: нет, он не виноват в убийстве иностранки и казни мальчика Андри — событиях, которые пока еще не произошли, и которые так и не будут показаны в пьесе. Некоторые даже пытались облегчить их участь, но «приказ есть приказ...» И вот на той же городской площади разыгрывается расплата — следствие давно идущих и необратимых процессов. Под громкие призывы радио: «Андоррцам ничто не угрожает» жители, признавшие для себя законность преступления, выстроены в ряд с закрытыми черным лицами. Перед ними черные формы оккупантов и приказ: один свисток — снять башмаки! Два свистка — марш!

ПОД давлением обстоятельств изменились не только слабые и ничтожные. Учитель, до конца отстаивающий своего приемного сына Андри, пытается оправдать меньшей смелостью большую трусость: объявив своего воспитанника евреем (не популярная в Андорре нация), он скрывает, что это его родной сын, появившийся от запрещенной в стране связи с иностранкой. Убеждения оказываются неустойчивыми, зыбкими. Не так давно, напоминает своими пьесами Фриш, такая нестойкость проявилась в сознании целого народа.

Тему неустойчивости, текучести сознания мы привыкли связывать с искусством модернизма, объявляющим эту неустойчивость извечным и абсолютным качеством человеческой природы. Личность исчезает. Характер и поступки растворяются в хаосе случайностей. Та же тема, однако, в ином толковании, была предметом постоянного внимания многих реалистов. Бертольту Брехту, пожалуй, как никому другому, претило делить мир на хороших (постоянно) и плохих (ежедневно) людей («Добрый человек из Сезуана»). Немецкий драматург не боялся показать «грубую» зависимость сознания рабочих от материального положения и объяснял приход фашизма — помимо всего прочего — и нравственной слабостью людей, не устоявших перед угрозами, с одной стороны, и демагогическими обещаниями, с другой.

Действия двух последних романов Фриша происходят в послевоенном мире. Социальные проблемы здесь смягчены по сравнению с недавним прошлым, и прежняя тема Фриша оборачивается по-новому. В появившемся в прошлом году романе «Пусть мое имя будет Гантенбейн» писатель пытается показать неспособность современного западного интеллигента определить свое назначение и путь в жизни. Его судьба или диктуется обстоятельствами и, следовательно, роковым образом зависит от них, или остается ролью, которую человек принял на себя не всерьез. В современном мире, считает Фриш, нужно особое усилие, чтобы осознать реальность. Овладение техническими знаниями и достижениями точных наук не может заменить участия в жизни — крах такой самоуверенной попытки Фриш описывает в романе «Homo Faber». Человеку в романах Фриша мучительно не хватает точки опоры, поля деятельности, на котором он мог бы обрести постоянство, найти свое лицо, узнать — с полной достоверностью — на что он способен. С серьезностью, остроумием, психологической точностью описывает Фриш это характерное явление духовной жизни буржуазной интеллигенции.

В романе про Гантенбейна рассказано о множестве продуманных и даже «прожитых» — но только в воображении героя — судеб, в которые могла бы отлиться его жизнь. Но решительный выбор так и не совершается. «Когда я читаю, что происходит в Алжире или где-нибудь еще, — говорит герой книги, — и пытаюсь, хотя бы ненадолго, представить это себе, все остальное перестает существовать. Я едва могу примириться с тем, что вижу, и тогда готов к любому действию. Но я сижу, читаю старую газету и примиряюсь».

Скрытые возможности человека остаются невыявленными (или этих возможностей у него не существует вовсе?). Он даже не может узнать до конца, кто же он такой. — Мое имя может быть Гантенбейн. Оно могло бы звучать и по-другому... — размышляет герой.

В спокойном течении прозы Фриша почти ничто не напоминает накала его пьес, хотя речь в романе, по существу, идет о капитуляции не менее опасной, чем та, на которую пошли жители государства Андорра. Новая книга кажется переходной в идейном развитии Макса Фриша. Многие явления в ней только названы. Те общественные следствия, которые неизбежно проистекают из духовного бессилия, неспособности жить невыдуманной жизнью, политической индифферентности, видны недостаточно ясно. Вернется ли писатель к требованию общественной активности, так отчетливо звучавшему в его пьесах?

Думается, что писатель, упорно доказывавший своим творчеством не только зависимость человека от истории, но и конечную зависимость истории от решений человека, не забудет этого требования.

Макс Фриш. «Бидерман и поджигатели». Журнал «Иностранная литература», № 5, 1965.

ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

В один карман влетает, из другого вылетает...
Рисунок из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»

— Раньше муки испытывал только художник...
Рисунок из американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»

— Вам кажется, что под кроватью нет «красных»? Это потому, что они прекрасно умеют прятаться!
Рисунок из американского журнала «Прогрессив»

ШКОЛА ПОЦЕЛУЕВ

«Неужели вас не удручает ваше неумение целоваться?.. Доверьтесь нам, и за четыре недели вы станете непревзойденным специалистом в этой области», — гласят многообещающие рекламные плакаты в США. В городе Бостоне (штат Массачусетс) открыта специальная школа, где вас в кратчайший срок берутся обучить «высокому искусству» поцелуя. Несмотря на довольно высокую стоимость обучения, здесь — как утверждают газеты — набирается обычно не менее 1 200 бездельников, жаждущих стать специалистами этого более чем узкого профиля. 62 преподавателя, в том числе один бывший университетский профессор психологии, без дела не сидят. По окончании курса «студенты» проходят семидневную «практику».

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

оставили в запасе, чтобы устрашать мир. Но народы мира клянутся: не упадет на мирные города третья бомба, не повторится трагедия Хиросимы. Я это увидел в день Хиросимы.

День Хиросимы. 6 августа

Пять лет назад, шестого августа, я видел Хиросиму. Никогда мне не забыть тот день. Я видел в Хиросиме часы, остановившиеся в восемь часов пятнадцать минут. В эту минуту солнечный день превратился в кошмарную ночь. Кровью обагрились две реки, текущие по Хиросиме. Все живое было погребено под волнами беды. А в девять часов на город упал голубой атомный дождь.

ХИРОСИМА ВИДНА ОТОВСЮДУ

Американские летчики со смехом рассказывали, что город был виден, как на ладони, и это дало возможность сбросить бомбу точно по цели.

Чем гордятся убийцы! Волчья повадка. Ни позор, ни проклятья народов их не смущают и не трогают.

Жил в наших горах известный разбойник. Спустя много лет у разбойника спросили, не грызет ли его совесть за содеянное зло.

— Грызет... — сказал он. — Грызет сейчас, когда дети становятся взрослыми.

С тех пор как была сброшена бомба на Хиросиму, выросло новое поколение. Но совесть и сейчас не грызет американских империалистов.

Один японский друг сказал мне как-то:

— Самый печальный удел у гадальщиц.

— Почему?

— Они живут без веры.

Люди — не гадальщицы. Они верят в разум и справедливость. Этой верой они живут, трудятся, творят.

В Хиросиме часто встречаются люди, идущие с белой палкой. Это слепые. К счастью, народы не слепы. Не белые палки держат они в руках, а знамя мира.

...Эти строки я пишу у себя дома, в Махачкале. Ко мне в гости приехали мои японские друзья. Мы говорим о Хиросиме, о жертвах. Вспоминаем день праздника двадцатилетних.

Мы поднимаем рог, наполненный горским вином, за мир, за дружбу. Мой японский друг говорит:

— Пусть снег падает на Фудзияму. Пусть людям дадут мир.

С этим все согласны.

МАХАЧКАЛА, 6 августа.
(По телефону)

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69 литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — Б 8-54-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б — 00724

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ, А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).